

СВРЕМЕННЫЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Микки ВУЛЬФ

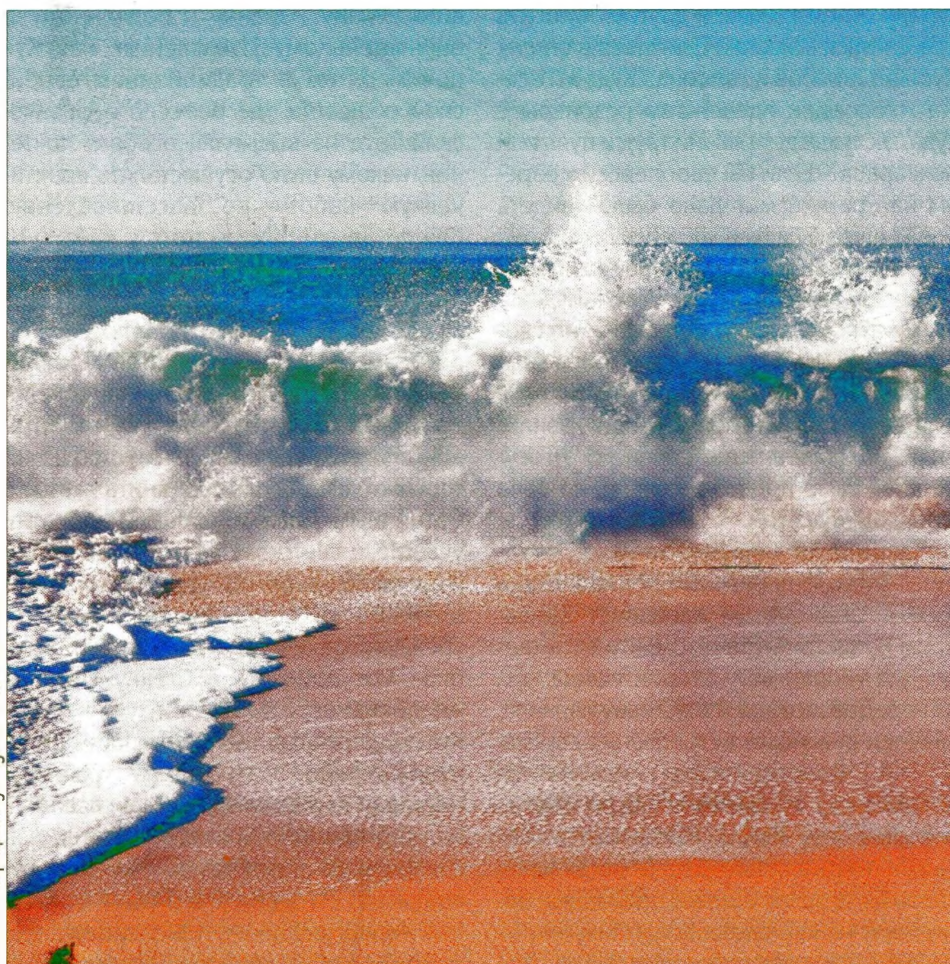
Когда я в последний раз гостил в Канаде, дочка придумала отвезти меня на авиашоу или, как это именовалось в буклете, фестиваль неба. Ехали мы довольно долго, но прекрасную природу по пути я описывать не буду: боюсь испортить, она была прекрасна. Километров за десять появились сначала указатели в виде стрел, а затем и люди - старые и молодые помощники авиаторов в полувойенной форме, направлявшие нас к N-ской (не помню ее названия) базе.

Нашли. Доехали.

Машины выстроились бесчисленными рядами вдоль уходящей вдаль и сужающейся до нити за пределами взгляда взлетной полосы, а дальше надо было идти пешком; кто не мог, подвозили на специальных автотележках. По пути миновали химические (или биологические?) сортиры, стоящие на обочине в два ряда, как шахматные фигуры перед началом партии.

Когда, наконец, добрались, это было похоже на лужайку для пикников. Вокруг простирались просторные луга и поля, ограниченные по дальнему краю то ли заснеженными вершинами гор, то ли громадами кучевых облаков, то ли тем и другим вперемешку. Сбоку от взлетной полосы под голубым небом в высокой траве сидели, лежали и прохаживались люди - будущие свидетели воздушных чудес. Многие читали книжки или облизывали мороженое. Тут были и совершенные младенцы, и дети постарше, цветущие взрослые и увядающие старики и старухи в черных очках и панамках, и даже воспитанные собаки, под мордой волочившие с достоинством отстегнутые намордники. Расставив привезенные с собой стулья, многие ели и пили, прислушиваясь к доносившемуся откуда-то с небес баритону, вещавшему о том, какие удивительные самолеты - от служебных, почти игрушечных монопланов до грозных, самих себя опережающих истребителей и тяжелых, винтовых, подобных гиппопотамам "Геркулесов" - вскоре откроются коллективному взору и слуху. Он же, голос, советовал вос-

ВОЛНА И БРЫЗГИ

Фотоиллюстрация: ingimage.com/ASAP Creative

пользоваться заглушками для ушей, чтобы смягчить ревящие децибелы, которые они оставят за собой. Сами услышите. Некоторые тут же сделали это.

Многочисленные лавки с сувенирами, павильоны, аттракционы и детские площадки с клоунами усиливали впечатление деревенского балагана, так неуместно врезавшегося в аскетический пейзаж этой спрятанной от всех, исключая Бога, авиабазы.

Когда голос умолк, тут же, перекрывая возникшую тишину, раздался быстро набирающий силу мощный шум, переходящий в ярость, и, мелькнув быстрее мига веками (можно ли так сказать?), взмыл и закружился, кидая на воздух до земли исполинские цветные спирали, первый могучий самолет. Потом он удалился, стал невидимым, а затем самоубийственно

бросился с высоты уступами, жутко падая прямо на нас, прошел, казалось, в метре-полтора над травой и исчез где-то за окомом. Остался только оглушающий грохот. Мать прикрывала уши смеющимся дитяти. С руки у нее свисала погремушка. Самолеты взлетали по одному, иной раз по двое. Оседающий под собственным весом "Геркулес" выбросил парашютный десант, также пускавший разноцветные струи, и казалось, что парашютисты, опираясь на них, грузно оседают на землю, как будто свечки оплывали с канделябров.

Потом опять пошли кувыркаться и прыгать, и прятаться в облака самолеты, со всякими петлями и бочками, небесными фигурами и земными трюками, с пиротехническими и акустическими эффектами и прочими

прибамбасами, которые мне тоже описывать лень.

Я решил пройтись.

Купил какой-то сувенир, обошел по дуге молодую пару, игравшую в бадминтон, и вдруг... остановился как громом пораженный: прямо на меня шагал немецкий солдат Второй мировой с автоматом на груди. Глаза из-под каски смотрели уверенно, китель был расстегнут и помят, на боку бряцал котелок, тяжелые сапоги наступали на бетон безоговорочно твердо. Почти дойдя до меня, он шагнул влево и свернул к палатке, где лихо козырнул немецкому офицеру. Тот пожал ему руку, и оба закурили.

Я оглянулся. Дети галдели, самолеты вытворяли кунштуки, дама в соломенной шляпке, с шестимесячными локонами, по штатовской моде сороковых годов, сидела за швейной машинкой, что-то там себе продавала. Палатка была музеем воевавших армий. Я разглядел воскового американца, стучащего на пишущей машинке, и бравого матроса-канадца с сигнальными флажками. Русских, между прочим, не было, а немцы были. В двух экземплярах.

Мне стало тошно. Сейчас, как вспомню тот день, мне снова становится тошно. Лучше я напишу о природе, об океане.

Когда разбивается о береговые камни ломкая сине-зеленая волна, это не так просто рассказать. Во-первых, она растет буквально из ничего, из таких же, только черных вод; во-вторых, она имеет длинные крылья и только один край, по которому стремительными стежками она оторачивается, одевается бахромистой каймой белой пены, и, в-третьих, пена падает прежде гребня. В момент, когда она, падая, расширяется о гребень, мгновенно рождается сетка брызг, встающих над рушащейся волной, мельче капли каждая; все они светятся на солнце, и это происходит так быстро, что не осознаешь, а только чувствуешь, до чего это здорово, до чего превосходно и весело. Они вспыхивают и опадают, но уже на подходе следующий, новый вал, и еще, и брызги над ними выше и прозрачней. И даже такая же краткая, как они, жизнь кажется бесконечной.

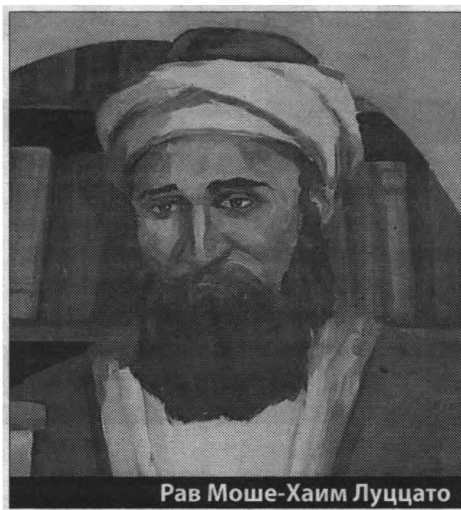
НЕУСЛЫШАННЫЙ ГОЛОС ШОФАРА

Ханох ДАШЕВСКИЙ

8 декабря 1941 г. началась вторая "акция": второй этап ликвидации рижского гетто. Колонны изможденных евреев, сопровождаемые пинками латышских шуцманов, потянулись по Московской улице за пределы города - к опушке Румбульского леса. Среди идущих на смерть был знаменитый историк Семен Маркович Дубнов. В своей жизни он занимался не только историей. Как общественный деятель, Дубнов был сторонником национально-культурной автономии, полагался на ум и совесть человечества, на демократию и цивилизацию, и был убежденным противником сионизма, как, впрочем, и большевизма. В 30-е гг. у него была возможность уехать из Европы, он мог выбирать между Америкой и Страной Израиля, но предпочел Латвию, где и погиб. О чем мог думать Дубнов, когда на его глазах рушилась концепция всей его жизни? Этого мы не знаем, но молва донесла до нас последние слова ученого: "Идн! Шрайбт ун фаршрайбт" (Евреи! Пишите и записывайте!). Что он хотел записать? Может быть, созревшее на краю жизни, уже на переходе от земного состояния к вечности, понимание своей непоправимой ошибки?

Ошибка совершил не только Дубнов, не только многие еврейские интеллигенты в разных странах Европы, но и большое количество обычных евреев, у которых до определенного исторического момента существовал выбор: быть застигнутыми гигантским цунами или вовремя бежать с "побережья". Тот, кто в свое время сумел принять правильное решение - уцелел. В Америку, Австралию, Южную Африку, Аргентину лежал путь большинства эмигрантов. Разделились, распались большие еврейские семьи: родители и дети, братья и сестры оказались за тысячи километров друг от друга. Одни отправлялись искать лучшую долю, другие оставались стеречь родные могилы. В конце XIX и в первые десятилетия XX вв. миллионы европейских евреев перекочевали за моря и океаны. И они и их потомки спаслись от уничтожения. Но гораздо больше евреев по разным причинам оставались на насиженном месте.

Существовало и еще одно русло, по которому тянулся не слишком бурный ручей еврейского исхода. Оно вело к Стране Израиля, где уже закладывались основы еврейского государства. Сионисты, которым недоброжелатели предсказывали крах, в нелегких условиях, опираясь на небольшое число энтузиастов, пытались возродить еврейскую родину. Им нужна была поддержка, нужна была критическая масса евреев, которая показала бы миру, что двухтысячелетние слезы о Сионе не просто соленая

Рав Моше-Хаим Луццато

вода. Но массового движения не было. Одно дело молиться о возвращении в страну отцов, и совсем другое - бросить все, сняться с места и двигаться в страну пустынь, арабов и хамсина. "Куда вы едете?" - говорили идеалистам резонеры. - Туда, где вас ждет тяжкий труд и пуля или нож араба?" Если бы европейским евреям на краткий миг дано было увидеть ближайшее будущее, еврейская история могла бы пойти в другом направлении. Но не зря одна из главных истин иудаизма гласит: "Все предопределено, но свобода дана". Именно свобода выбора дана человеку, и от этого выбора зависит путь к конечной цели: прямой или извилистый. Восстановление еврейского государства было предопределено, но цена могла быть другой.

Существует мнение, что исход из галута - это очень опасный период. Еще в XVIII в. знаменитый каббалист Моше-Хаим Луццато писал о том, что есть тенденция в еврейской истории: всегда, когда народ возвращается в Страну Израиля, имеется опасность истребления евреев. В тот момент, когда начинается Избавление, закрываются щели, сквозь которые Свет Творца проникает в наш мир, и открываются врата. И когда щели закрыты, а врата еще не открылись, еврейский народ наиболее уязвим. Чтобы избежать катастрофы, нужно быстрее переместить народ в Сион, поближе к Воротам Всевышнего. Нечто в этом роде говорил и Элиягу - Виленский Гаон. Он объяснял, что когда начнется Избавление, главным будет быстро сосредоточить в Стране не менее 600 тысяч евреев. Стоит напомнить, что накануне провозглашения государства еврейское население Страны Израиля составляло именно 600 тысяч человек. Но накануне войны такого количества еще не было.

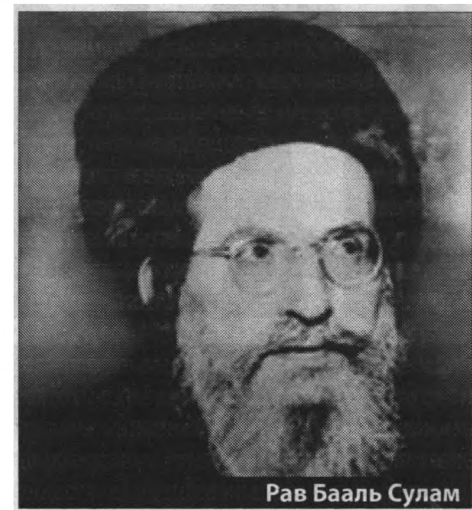
Если основываться на этом мнении, то можно нарисовать следующую картину. Период Избавления начался не с прихода Машиаха, как физической сущности, а с подготовительной стадии: возвращения части народа в Страну и строительства основ государства. Подобной версии придерживался знаменитый рав

Рав Авраам-Ицхак а-Коэн Кук

Авраам-Ицхак а-Коэн Кук. В первопроездах, не носивших ермолки, исповедовавших социализм, но прокладывавших дороги, возделывавших поля, орошавших пустыню, он увидел "осла Мессии": движущую силу, призванную подготовить Страну Израиля к подлинному и окончательному Избавлению. Рав Кук понимал, что в традиционном еврейском обществе, где ремесло и физический труд не вызывали особого почтения, некому было осуществлять практическую работу по восстановлению Святой Земли. Кроме того, у рава Кука был свой взгляд на то, каким должно быть религиозное еврейство. У него были претензии не только к секулярным сионистам, недостаточно понимавшим исключительную важность национально-религиозной традиции, но и к ортодоксальным евреям, большинство из которых отказывалось соединить святое с будничным, иными словами, принять участие в светском, по сути, движении ради выполнения одной, но важнейшей заповеди заселения Святой Земли. По убеждению рава Кука, только такой симбиоз мог привести в Страну Израиля миллионы евреев. Но при том, что рав Кук поддерживал сионизм, любое проявление, которое указывало на отрыв сионистов от еврейской традиции, беспокоило его самым серьезным образом. Он совершенно справедливо считал, и мы видим это сегодня, что в отрыве от главных еврейских ценностей у сионистского движения не хватит духовного мужества и сил, чтобы одержать окончательную победу.

Грядущую Катастрофу видел великий каббалист Йегуда-Лейб а-Леви Ашлаг, знаменитый комментатор книги "Зоар", более известный как Бааль Сулам. В начале 20-х гг. рав Ашлаг объявил в своей варшавской общине, где он был даяном, о том, что надо срочно уезжать, ибо надвигается нечто совершенно ужасное. Евреи не поверили. Рав Ашлаг полагал, что найдутся такие, кто последует за ним, но все закончилось тем, что ему пришлось уехать одному. Более того, евреи Варшавы объявили ему бойкот. "Нас здесь три миллиона, - сказали ему. - Мы живем в мире и безопасности" (хотя о какой безопасности могла идти речь среди враждебного, в своем большинстве,

Рав Бааль Сулам

местного населения). Уже находясь в Стране Израиля, рав Ашлаг рассылал письма руководителям европейских общин, пытаясь убедить последних в необходимости уезжать. Уезжать немедленно. К великому сожалению, призыв Бааль Сулама не был понят и поддержан.

Перед войной значительная часть религиозного еврейства находилась в Восточной Европе.

Здесь были наиболее знаменитые общины и самые авторитетные духовные наставники. Их взгляды не совпадали со взглядами немногих религиозных лидеров, поддерживавших сионизм и цитировавших притчу Виленского Гаона о зерне, которое, прежде чем дать новый росток, должно сгнить. Они относили эту притчу к сионистам, оставившим заповеди, но воодушевленным национальной идеей. Однако для большинства раввинов Восточной Европы, светочей Торы, важнейшим фактором была цельность иудаизма, так, как они ее понимали. Они не желали смешивать святое с будничным, и в этом отношении не были готовы к компромиссу: соблюдение заповедей, традиционный уклад были для них важнее всего. Не совсем понятно другое: если Святая Земля "осквернялась" безбожниками, оставались Соединенные Штаты, оставались другие страны за пределами европейского континента, куда еще можно было, пока окончательно не закрылись все "щели", перевезти хотя бы часть восточноевропейских общин. Почему это не было сделано? И не являются ли в некотором роде ответом дошедшие до нас предсмертные слова погибших в Катастрофе великих раввинов? Когда в июле 1941 г. за знаменитым равом Эльхананом Вассерманом, проводившим урок Талмуда, пришли в Каунасе литовские "активисты", то понимая, что час настал, рав Вассерман обратился к ученикам с речью: "Очевидно, что на Небесах рассматривают нас как праведников, достойных искупить своей жизнью жизнь народа израильского. Мы должны, таким образом, немедленно покаяться - здесь и сейчас, ибо времени мало. Нам следует помнить, что мы дейст-

вительно станем теми, кто освятит имя Божье. Так давайте же будем идти с высоко поднятыми головами, давайте не будем иметь, Боже упаси, недостойных помыслов, непристойных намерений - при принесении жертвы это недопустимо. Мы на пороге совершения величайшей заповеди - заповеди об освящении Имени. Огонь, который уничтожит нас, - это то самое пламя, из которого возродится еврейский народ".

"Когда узников лагеря - тысячи людей - загоняли во двор крематория, - свидетельствует другой очевидец, - и люди обратились к раву Исраэлю Шапиро, хасидскому адмору, с вопросом: "Учитель наш, что Он говорит сейчас?", святой рабби произнес: "Слушайте, братья и сестры мои, народ Господа! Не нам роптать на деяния Святого, благословен Он! И если решено, что мы станем сейчас жертвами мук Машиаха, что ради Избавления мы взойдем на плаху, - то счастливы мы, что удостоились этого. А почему сказали наши мудрецы: "Но мы его не увидим?" Потому, что они еще не были готовы к этому. Мы же достигли этой ступени и должны радоваться, что удостоились того, чтобы наш пепел, подобно пеплу красной коровы, очистил весь народ Израиля. Мы должны считать себя счастливыми, ибо удостоились проложить путь Избавителю, который скоро придет, и должны принять с любовью вознесение на жертвенник ради освящения имени Господа. Я повелеваю вам не рыдать, когда вы идете в пышущую жаром печь. Напротив, идите в радости и пойте "Я верю", подобно рабби Акиве, который провозгласил: "Слушай, Израиль!" в минуту своей смерти".

Если предположить, что духовные лидеры заранее предчувствовали судьбу святых общин, предназначенных стать искупительной жертвой, то они должны были чувствовать и другое: уклониться невозможно и бежать некуда. И как не удалось пророку Йоне скрыться от Божьего взора, так и европейским евреям не миновать своей участи. Перед войной рав Вассерман находился с визитом в Америке. В связи с угрожающей ситуацией в Европе ему предложили остаться. Эльханан Вассерман отказался. Нет сомнения в том, что человек такого уровня понимал, какова может быть цена его поступка, но, по-видимому, уже тогда полагал, что нужно держать ответ за великие грехи евреев: грех ассимиляции и, по его мнению, грех сионизма, и таким образом проложить путь Избавлению. И если именно так светочи поколения понимали Высшую волю, то становится более понятной похожая на жертвенную обреченность пассивность религиозного еврейства в преддверии Катастрофы, ибо трудно согласиться с тем, что его руководители были слепы. И все же, если своим духовным зрением они видели будущее, в огне которого многие из них сами сгорели, вопрос их молчания продолжает оставаться жгучим вопросом, настоятельно требующим ответа. И ответ надо искать прежде всего в роковой, трагической ошибке противостояния сионизму, в неслышанных звуках шофара, из-за

чего развитие событий пошло по другому пути, облегчая нацистам "окончательное решение".

Необходимо добавить, что приведенные выше слова выдающихся праведников в определенном смысле сбылись: на крови и пепле жертв Катастрофы восстало еврейское государство. Только это не был Машиах традиционных представлений - это был сионистский вариант. Раввины, которые противились сионизму, хотели совершенства, хотели общества, основанного на Торе, хотели получить чистый металл, не имея дела с рудой. Зерно из притчи Виленского Гаона продолжает и сегодня гнить в Израиле, но несмотря на это, оглядываясь назад, уже можно видеть правоту сионистов и сторонников рава Кука: если бы еврейство откликнулось на голос шофара, еврейское государство могло бы возникнуть раньше. И если бы не удалось спасти всех евреев, многих можно было бы вырвать у смерти. С точки зрения большинства мудрецов Торы "грех" сионистов состоял не только в отходе от заповедей, но и в том, что они в своем стремлении к Сиону решили не дожидаться прихода Машиаха и призывали евреев "подниматься стеной" - а это решительно осуждалось. Позже, уже во время и после событий религиозные противники и сторонники сионизма сходились в том, что Катастрофа - это искупление за стремление евреев к ассимиляции, только одни считали, что страшное испытание послано еще и за грех сионизма, а другие - наоборот, за непонимание того, что времена Машиаха уже наступили и существуют явные признаки этого.

И потому что далеко не все понимали и видели эти признаки, стали закрываться ворота - ворота стран, которые могли бы принять евреев. Более того, захлопнулись ворота Страны Израиля. Если бы исход европейских евреев превратился в поток, направленный в сторону Сиона, вряд ли управлявшие страной англичане сумели бы осуществить это злодейство: закрыть Страну Израиля для сынов Израиля. Совсем немного было в мире таких, кто действительно хотел помочь евреям, но еврейский народ не был бездомным: у него была родина. Она начала восставать из праха, и несмотря на все ограничения и запреты стремиться надо было именно туда. Не томились без родины мы так, как должен томиться народ! - восклицал поэт. Слишком мало желанья, стремления жгучего мало было в наших сердцах, и не вышел из семени плод...¹ Что же мешало? Чем жило еврейство галута?

*Что хотели евреи? - пейзажем чужбины
любоваться из окон -*

*цветущим нисаном;
или видом зимы,
застылающей снегом равнины,
пока станет могила приютом
для них постоянным,
и тогда они лягут в месте,
где проходили
их субботы и будни, где детей народили,
и плясали на свадьбах
и внуков растили...*

*Наслаждаться хотели
обилием летних плодов
на крестьянских телегах,
у пестрых базарных рядов,
углубляться в молитвы, в уроки Талмуда,
видеть сон золотой, обещающий чудо.
Мысль вынашивать -
ветвь, на которой
ничто не растет,
кроме листьев,
которые осенью ветер метет.
Перемешивать блюда
и брать что-нибудь
от того и другого со сладкой приправой;
меж огнем и водой находить себе путь,
и пророчество
сдобрить идеей лукавой...²*

Только у евреев Советского Союза, рабов большевистского режима, в предвоенный период никакого выбора не было, но советских евреев до 1939 г. было не более трех миллионов, а в остальной Европе - десять. Евреи соседней с СССР Польши могли выбирать, потому что поляки не только не препятствовали еврейской эмиграции, но способствовали ей: помимо традиционного государственного и общественного антисемитизма в середине 30-х гг. в ряде районов Польши произошли погромы. Нужно было либо ничего не видеть, либо быть крайне наивным, чтобы не понимать: польские евреи сидят в капкане, который захлопнется скоро. И единственными, кто кричал об этом евреям, были сионисты. "Ликвидируйте галут, или галут ликвидирует вас!" - зывал Владимир (Зеэв) Жаботинский к польским евреям.

"Три года я умолял вас, евреи Польши, венец мирового еврейства, зывал к вам, непрестанно предупреждал вас о том, что катастрофа неизбежна. Я поседел и постарел за эти годы, ибо сердце мое истекает кровью из-за того, что вы не замечаете вулкана, который скоро извергнет на вас свою разрушительную лаву. У вас почти не осталось времени, чтобы спастись. Послушайте меня в этот двенадцатый час. Ради Бога, спасайте себя - пока у вас еще есть такая возможность, ведь время работает против вас". Эти слова Жаботинский произнес 10 августа 1938 года, выступая в день Девятого ава перед евреями Варшавы. Времени почти не оставалось, но еще можно было бросить все и бежать, и если бы евреи двинулись в сторону Сиона, то перед коллективной волей народа могли бы распахнуться ворота Страны. Верой в подобный исход и был продиктован отчаянный призыв Жаботинского. Отбросив свой прежний поэтапный план спасения польского еврейства, вождь ревизионистов заявил, что если евреи выстроятся в колонну, чтобы идти на юг, к морю, то во главе колонны встанет он сам. В трактате Йома говорится, что тот, кто откладывает спасение жизни в шабат или Йом-Кипур, чтобы получить на это разрешение раввина, подобен совершающему убийство. Даже ценность самых священных заповедей отступает перед ценностью жизни. Большая часть евреев Польши и других европейских стран совершила

коллективное самоубийство, игнорируя предупреждения, не желая расставаться с привычной средой и не слушая настойчивый голос шофара. И если даже нельзя было полностью избежать Катастрофы, то масштабы могли быть иными.

То, что ожидало сынов Израиля, не имело прецедентов еврейской истории. Катастрофа европейского еврейства была уникальным явлением, поверить в вероятность которого даже привычным ко всему евреям было очень трудно. Но даже не это требовалось от них. Нужно было только вспомнить двухтысячелетние мечты и слезы, осознать свою не причастность к чужой земле и чужой культуре, а для верующих - подумать о том, что две заповеди, которые соблюдают сионисты: брит-мила и заселение Страны Израиля превосходят самое полноценное соблюдение традиций в галуте, что именно заповедь брит-милы, которую нерелигиозные сионисты непонятно почему совершают, дает евреям правоназемлю предков. Требовалось понять, что молитва о возвращении в Сион превращается в набор слов, если ее не подкрепляет порыв еврейской души. Оказалось, что тяжелее всего искоренить в себе галутное сознание, приобрести ту ясность ума, которая позволяет отделить главное от второстепенного, и сделать правильный выбор, до того как "активисты" из представителей коренного населения, нередко вчерашние знакомые и соседи, под присмотром немцев погонят евреев во рвы. "Не пришел Избавитель, ибо не было силы такой, что канатами гнева влекла бы его за собой".³ Не было силы, не было гнева и не было ощущения невиданной прежде опасности, зато было вдоволь сарказма и тухлых яиц на митингах, где сионисты убеждали евреев оставить чужбину. В слаженном хоре отрицания тонули одиночные голоса тех, кому дано было предвидеть. Когда в 1929г. у адмора из Дрогобыча, сочувствовавшего сионизму, спросили, как он объясняет происходящие в Иерусалиме и других районах Страны Израиля погромы, мудрец ответил: "Здесь, в Польше, евреев бьют, потому что нас много, а там - потому что мало". И не только евреев мало было в Стране Израиля, мало было таких раввинов, как ребе из Дрогобыча.

"Ждал Машиаха ты, а явился палач", писал уже цитированный выше Ури-Цви Гринберг. Сын адмора, рано постигший тайны Талмуда и каббалы, он знал, о чем говорил. Для того, чтобы пришла помощь сверху, необходимо было стремление снизу - не пассивное ожидание, а одновременное и горячее желание слившихся в едином порыве душ. Но этого не случилось, и голос шофара сменился свистом падающих бомб. И как предсказывал рабби Луццато, закрылись щели, и раскрылись ворота, но это были ворота ада.

¹ Ури-Цви Гринберг, "Танец на могиле отцов". Здесь и далее перевод автора статьи.

² Там же.

³ Там же.

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ, "ЯД ВА-ШЕМ"

Белла КЕРДМАН

Желтенькая папочка, озаглавленная "Ротт", - одна из самых наполненных в моих компьютерных "Документах". Я завела ее в 2009 году, когда инженер Юрий Шапиро познакомил меня со своими гостями из Канады, супругами Владимиром и Ией Ротт. Я тогда проделала почти пятичасовой, из-за пробок, путь в такси (так распорядился гость!), и попала в библиотеку городка Кирьят-Ям на презентацию его книги "Радости печалей". Это было потрясающе интересно! Еще и потому, что они, канадские граждане, как выяснилось, окончили Томский политехнический институт, а я - Томский университет. Так что "химия", как сказали бы израильтяне, между нами случилась сразу. С тех пор эта связь не прерывается.

Еще до знакомства с Владимиром я слышала от Юры рассказ об одном впечатляющем эпизоде их многолетней дружбы. Однажды Володя Ротт позвонил другу в Тольятти, где оба работали на автогиганте до его, Володи, бегства в Канаду. И что-то голос на другом конце провода показался ему унылым. Что случилось? А то, что коленвал у Юриного "Запорожца" разломался пополам, ремонту не подлежит, а заменить нечем! Назавтра друг перезвонил. Сказал коротко: "Через неделю-другую получишь коленвал". И так было. Кто-то из Союза приехал к кому-то в Канаду, по цепочке друзей и знакомых прошел заказ мистера Ротта, и Юра Шапиро получил свою вожделенную железку! Я тогда удивилась услышанному. Теперь знаю: одним из многих талантов В.Р. является талант дружбы, на себе испытала.

...Такой большой, с мощным безвольным черепом и неотразимой улыбкой во все лицо мистер Ротт и его стройная жена характерно азиатской внешности... Тут надо сообщить, что эта экзотическая женщина - специалист по сваркам, профессор, и что ее настоящее имя - Ися, в память родного дяди Исаака Гутермана. Ибо по матери, Рахили Соломоновне, она еврейка. Из рода польских хасидов, бежавших в позапрошлом веке на Байкал от погромов. По отцу же, Базыру Николаевичу Вампилову (известный драматург приходился ему племянником), она бурят-монголка. Жестоковыйный хасид Шломо Гутерман отсидел "шиву" по Рахили, когда та понесла от "некошерной" связи, то есть как бы похоронил дочь и не пожелал даже глянуть на младенца-внучку. А эта девочка, нынешняя Ия Ротт, единственная из многочисленных его потомков, придет время, станет соблюдать еврейские традиции и произносить имя деда в поминальные дни. В ноябре 37-го Базыра Вампилова, занимавшего высокий пост в правительстве Бурят-Монгольской АССР, пришли арестовывать, однако вовремя предупрежденная Рахиль успела его отправить из Улан-Удэ. К ним с дочерью он не вернулся, Ию вырастила мама. Между прочим, историю этой женщины я узнала в электричке, когда мы возвра-

Свадебная фотография
Ризы и Ференца Ротт

Единственный снимок Владимира с отцом

Свадебная фотография Владимира с Ией

щались в центр Страны, до того и не догадывалась о ее еврействе - с такой-то внешностью!

А перед тем в библиотеке Кирьят-Яма, прикрыв к доске старинные фотографии, рассказывал о своем роде-племени венгерских евреев Владимир Ротт. И рядом на столике лежала стопкой его первая книга воспоминаний из трилогии "Наперекор судьбе" - "Радости печалей", около 600 страниц. Адреса воспоминаний вынесены на ее обложку: Гарадна - Мишкольц - Бобруйск - Томск - Тольятти - Торонто. А на фронтиспис книги автор поместил текст письма, полученного им в октябре 1988 года от А.И.Солженицына: "Уважаемый Владимир Францевич! Из Вашего письма с сочувствием познакомился с судьбой еще одной пострадавшей семьи. Радуюсь, что Вы дождались своего архива - по себе знаю, какое освобождение, когда это удастся. Спасибо за присланную статью 1962 года - уже не верится, что такое было возможно в Союзе. Всего Вам доброго!". Поясняю насчет архива. Это было бесценное достояние семьи: письма отца, венгерского инженера Ференца Ротта из ГУЛАГа, числом 66, а также дневники, которые Володя вел со школьных лет. Перед выездом по приглашению кузена в Канаду (якобы на свадьбу племянницы) он оставил парусиновый портфель со своим архивом у друзей в Москве. И получил тот портфель со своими дневниками и письмами отца спустя десять лет. Архив был вывезен из Москвы в машине дипломатом, секретарем венгерского посольства Йожефом Козмой, много лет курировавшим кооперацию своей страны с Волжским автозаводом. Из Будапешта Карой Сабо - большой друг семьи, основатель первого Музея марципана (городок Пухберг) вывез Володин портфель в Австрию и уже оттуда отправил в Торонто. Среди бумаг оказалась там и вырезка из газеты 1962 года - о том, что в Стране Советов появился замечательный писатель - Солженицын. В.Р. послал ее Александру Исаевичу в Вермонт.

Как попал отец Владимира, венгерский инженер Ференц Ротт в советские "враги"? Как многие и многие иностранные специалисты, отозвавшиеся на призыв Коминтерна принять участие в построении индустрии для молодого СССР. Ференц с женой Ризой и двухлетним сыном Юзеком прибыли по контракту на семь лет в

Бобруйск, дабы наладить производство фанеры на новом деревообрабатывающем комбинате. На календаре стоял 1931 год. Спустя четыре года в том белорусском городе родился младший, Владимир (в честь кого получено было это имя, догадайтесь сами). А в июле 38-го главу семьи забрали прямо со смены чекисты, осудили и выслали. Больше семья своего кормильца не видела: после 12 лет ГУЛАГа его на материк не пустили, и он, будучи уже вольнонаемным лесотехником, пропал в зимней тайге в районе Магадана. Владимир издал сейчас письма отца - на русском, английском и венгерском языках. Министерством образования Венгрии письма Ференца Ротта рекомендованы для школьных программ. Кстати, на тех же трех языках издана и трилогия его воспоминаний.

Еще об этом канадском семействе венгерских евреев. Благодаря мужеству и смекалке, Ризе Ротт, выброшенной на улицу после ареста мужа, не имевшей профессии и не знавшей русского языка, удалось не только выжить и спасти жизнь себе и сыновьям во время немецкой оккупации Бобруйска, а и дать им потом высшее образование: музыкальное - Юзику, инженерное - Володе. И на канадскую "свадьбу", а по сути в нелегальную эмиграцию, Риза полетит с сыном, остальные - Юзик с семьей, Ия с тремя детьми - пока останутся за "железным занавесом". Правда, о том, что они станут невозвращенцами, Володя маму не предупредил. Сказал, что Ия с детьми вылетит вслед за ними, через неделю. И только в самолете, когда летели уже над Хельсинки, Риза узнает правду. И горько заплачет - тоже ведь осталась в свое время одна с детьми. Заплакал и сын, которому было уже под сорок. Семья воссоединилась через два года. Ию с детьми человек-гигант, сердобольный канадский служащий Том Уоллес без всякой визы привез из Москвы в Торонто.

Канадские Ротты сегодня - это большая, успешная и уважаемая семья. У Владимира серьезный бизнес: фирма монтажа и электромеханического ремонта оборудования. У него и прозвище соответствующее: "Мистер Сикс-Фикс" (Шесть Ремонтов). Из Тольятти в нелегальную эмиграцию Ротты привезли трех детей - в Торонто появились на свет шестеро внуков. Владимир, с детства наостривший перо писанием дневников, стал писать серьезные документальные книги и прекрасно их издавать. У него

уже вышло в свет пять книг, каждая - на русском, английском и венгерском языках. Как сообщила мне недавно Ия, пятеро из их клана сегодня являются студентами университетов. Они много ездят по свету: посетили более 70 стран - с детьми, а затем и с внуками.

Супруги Ротт осуществляют щедрые благотворительные акции. В свое время я писала почти о каждой, не стану сейчас повторяться, разве что просто назову наиболее значительные. Во время посещения мест, где она родилась и росла, Ия обнаружила, что тамошние евреи остро нуждаются в медицинской помощи; вернувшись домой, Ротты инициировали создание "Фонда им. Рахили Ярославской-Гутерман" - матери Ии, заслуженной учительницы Бурят-Монголии. Спонсорами этого фонда стала вся семья Ротт и другие евреи Торонто, к которым они регулярно обращаются. А через несколько лет они сделали еще одно крупное пожертвование: передали чек на миллион форинтов Еврейскому музею Будапешта - "в память обо всех членах семьи Ротт (из Мишкольца) живших в Венгрии". В том городе - Мишкольце Ротты отыскали дом, откуда уехали в СССР молодые родители Володи, Ференц и Риза с двухлетним Юзиком. И отправились в Гарадну, где жили когда-то Шпилбергеры, семья Ризы. У опушки леса за деревней, разгребая заросли, сыновья Роттов, Шандор и Эдвин по обломкам каменной нашли могилы своего прадеда, Германа Шпилбергера, похороненного в 1910 году, и его первой жены Сары! Старший из братьев, архитектор Шандор Ротт взялся за проект мемориала - первую свою профессиональную работу (отметим, что с тех пор он выполнил немало престижных проектов, в том числе в Праге, Иерусалиме и др.). И спустя год на холме за деревней состоялось открытие памятника Шпилбергеру Герману и тридцати двум его потомкам, погибшим в Освенциме в 44-м.

Главным, самым крупным проектом, осуществленным Роттами с привлечением средств спонсоров и рабочих рук волонтеров, стала реставрация старинного еврейского кладбища в Забайкалье, на маршруте древнего Чайного пути, и сооружение там мемориала "Шалом" в память о большой еврейской общине, некогда жившей в тех местах. Об этом была моя публикация в газете относительно недавно. А в мае прошлого года в Страну на двенадцать дней

прилетели сибиряки, девять душ. Это были волонтеры, особо отличившиеся при восстановлении еврейского кладбища и строительстве мемориала. Путешествие в Израиль организовали для них и спонсировали евреи из Канады по инициативе инженера Владимира Ротта и его жены. Владимир с Ией также прилетели сюда, встретили своих друзей, познакомили их с еврейской страной. В частности, они посетили мемориал "Яд ва-Шем", в библиотеке которого Владимир Францевич оставил итоговую книгу своей трилогии: "Радости встреч". Что еще? Разве вот это: узнав от бывшей одноклассницы, что их учителю физики Николаю Николаевичу Вдовину исполняется 100 лет, Володя с Ией прилетели в Белоруссию, разыскали юбиляра в доме престарелых и достойно отметили эту дату!

А сейчас я получила по e-mail письмо от В.Р., которое считаю важным привести полностью.

"Уважаемый Владимир Францевич!

Библиотека "Яд ва-Шема" выражает Вам огромную признательность за передачу в наш фонд Вашей книги "Радости встреч", экземпляр по-русски и еще один - по-английски.

Материалы, подобные этой книге, представляют значительную ценность для следующих поколений, для нас всех, и, конечно же, для мемориала "Яд ва-Шем".

Книги, подобные этой, помогают почувствовать нашу общую историю. Судьбы каждого человека, проходящие через страницы книги - это связь времен, поколений и событий.

Прослеживая отдельные человеческие судьбы можно понять, где и как именно протягивается та самая нить между личным и универсальным, между мелкими деталями и их значением.

Прошлое и настоящее, взгляд в будущее - все важно перед лицом истории. Реальные события и личный взгляд, личное восприятие - это то, что делает эту книгу интересной и важной.

Эта книга является неоценимым вкладом в коллекцию библиотеки "Яд ва-Шема". Она будет доступна широкому читателю, посещающему нас.

Мы бесконечно рады встрече с Вами, с Вашей женой, и со всеми замечательными людьми, приехавшими в гости в Израиль благодаря Вам, Вашему вкладу, Вашим усилиям. Их светлые лица, скромность, серьезность, радость, приправленные Вашим потрясающим энтузиазмом, - все это не могло не произвести на нас неизгладимое впечатление. Замечательно, что не переводятся на землю истинно благородные и добрые люди. И ваша историческая ответственность - это не нечто из области теории. Вы преображаете мир, делая его более осозанным, более честным и ответственным перед следующими поколениями.

Библиотека "Яд ва-Шема" благодарна Вам за Ваш ценный подарок.

Многая лета и успешного продолжения Вашей деятельности, во всех сферах.

Ждем новых книг и новых проектов!

С огромным уважением,

Ира Литам, зав. Русским фондом"

НИ ОДНИ СТАРИКИ НЕ РАЗДРАЖАЮТ НАС ТАК СИЛЬНО, КАК НАШИ СОБСТВЕННЫЕ

Саша ГАЛИЦКИЙ

Почему нам так трудно общаться с пожилыми родителями?

Я вам вот что скажу - мне проще, чем вам. Да, я общаюсь со стариками каждый день по восемь часов: это моя работа. Вы, наверное, нет. Да, у меня их десятки. А у вас - в лучшем случае двое.

Но - и это огромное НО!

Тех стариков, с которыми я общаюсь, я никогда не видел взрослыми людьми, решающими сто тысяч дел одновременно. Я познакомился с ними, когда они уже были стариками. Я не помню их молодыми, а себя рядом с ними ребенком.

Они не отводили меня за руку в детский сад, не вытирали мне попу, не кормили, не поили, не ругали, и я не кланчил у них набор плоских чапаевцев из красной пластмассы. У меня нет с ними предыстории. А у вас она есть.

И поэтому мне намного проще. Мне не с чем сравнивать. Мне незачем говорить им:

"Мама, не ешь столько, ты же толстеешь!"

"Папа, тебе лучше не пить, ты же знаешь!"

"Старая же кофеварка совсем, чего не купите новую?"

"Мама, когда ты наконец научишься пользоваться компьютером?"

"Папа, а давай я тебя в бассейн запишу? Плавать будешь!"

"Мама, ну, что ты говоришь?!"

У меня никогда не будет таких историй, которая случилась с одной моей знакомой, совершенно случайно узнавшей, что ее восьмидесятипятилетняя мама - расист. Мама приехала к ней в гости в небольшой американский город и через пару дней публично выразила дочери свой восторг по поводу того обстоятельства, что в городе "совершенно нет черных".

Знакомая рассказывала мне, что пришла в ужас от своего открытия и потратила два дня в яростных попытках маму переубедить. И только потом задумалась - а зачем, собственно, она это делает? Если даже ей и удастся объяснить маме всю глубину ужасных маминых заблуждений, что это изменит? Как от этого увеличится мамин комфорт и качество оставшегося маме времени? Да никак. А тогда зачем переубеждать? Из принципа?

Вы замечали, что ни одни старики не раздражают нас так сильно, как наши собственные? Это потому, что наши старики - это постаревшие родители, которых мы помним другими, молодыми и полными сил и которые еще относительно недавно исполняли в нашей жизни совсем иную роль. Мы не готовы разрешить им одряхлеть, поглупеть и впасть в детство. Мы хотим ими гордиться. И потому пытаемся заставить их заниматься спортом, правильно питаться, больше гулять, развивать память и осознать всю глубину ошибочности своих устаревших

взглядов на жизнь, чтобы дать нам возможность писать в Facebook посты об их удивительных успехах.

Ежедневно и ежечасно мы всеми силами пытаемся не дать им постареть. И тратим на это безнадежное дело огромное количество энергии и сил, формируя для них странные правила:

Глупостей не говорить.

Одеваться ярче.

Пользоваться интернетом.

Не сидеть дома.

Мама - самая красивая.

Папа - самый сильный.

Основная причина абсолютного большинства наших конфликтов и ссор с пожилыми родителями заключается в том, что мы не готовы принять то, что делает с ними время. Время их портит. Мы ссоримся с ними, пытаемся их "починить", подогнать под наши представления о родителях.

Но старость - вещь необратимая. Ни один - подчеркиваю - ни один из огромного количества пожилых стариков, с которыми я имею счастье ежедневно общаться вот уже второй десяток лет, не является в моем представлении полностью адекватным человеком. По крайней мере, с точки зрения норм, принятых для нашего с вами возраста.

Пожилые люди живут в других, отличных от наших, системах координат.

Есть только один способ улучшить наши отношения с ними. Единственный способ сделать эти отношения легкими и простыми. Этот способ заключается в том, чтобы понять и принять, что эти отношения уже никогда не будут легкими или простыми. И нужно найти в себе силы, чтобы дать старикам возможность быть такими, какие они есть.

Уважать их детский выбор. Выполнять глупые просьбы. Не относиться серьезно к их идеям. Соглашаться на странные требования. Не спорить с ними, когда они говорят абсолютную и очевидную чепуху. Потому что - зачем? Какой смысл?

- Мама, какой кофе ты хочешь?

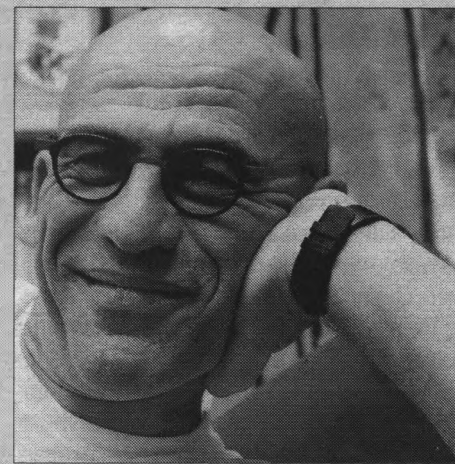
- Растворимый, самый дешевый!

- Хорошо.

Наша задача ведь не в том, чтобы мы могли ими гордиться, а в том, чтобы сделать оставшиеся им время максимально комфортным и приятным. Это очень разные задачи.

Мой отец, кстати, был лучший в мире волшебник. Я не вру.

Я как сейчас помню, как мама говорит мне из кухни: "Саша, перестань играть с мячом в квартире!". И помню, как мяч летит в тяжеленную вазу - ваза медленно, неумолимо падает на черное стекло чешского серванта, которое с грохотом покрывается паутиной трещин. Помню, как мама говорит мне: "Придет папа с работы - сам ему будешь объяснять!". Потом мы с мамой куда-то пошли, и я ужасно боялся вернуться, потому что представлял, что вот папа уже пришел с работы, снял паль-

то, зашел в гостиную и обнаружил разбитое стекло. Я представлял всю силу его справедливого гнева. Но как объяснять ему про мяч, я не понимал.

И я помню, как мы с мамой вернулись домой. И как я, ожидая заслуженной выволочки, обнаружил, что разбитое стекло на серванте - целехонько. Я помню смеющегося отца. Папа, советский инженер-рационализатор, сумел как-то перевернуть разбитое стекло таким образом, что гордость отечественного приборостроения радиолы "Рига" прикрыла собой все произведенное мною безобразие. И мне ничего не было!

Вспоминая весь этот ужас, я потом еще долго заглядывал время от времени одним глазом в щель под радиолу, чтобы посмотреть, как же там дико страшно. И каждый раз снова радовался папиному волшебству.

Мой папа-волшебник умер в городе Москве от сердечного приступа в 2004 году. К этому времени у него уже было два инфаркта.

Как инженер-рационализатор, он пытался при помощи таблеток сам наладить работу сердца. Папа составлял спасительные, как ему казалось, схемы и записывал на бумажной ленте точное время приема лекарств и их дозы. В больницу ехать он наотрез отказывался. Даже когда уже только сидел в кресле, а лежать не мог - задыхался: сердечники задыхаются.

Я не знаю, почему не отправил его в больницу насильно, вопреки его глупой старческой воле. Наверное, потому, что в глубине души мне очень хотелось, чтобы и с собственным сердцем у него все получилось так же удивительно прекрасно, как со стеклом чешского серванта. И чтобы он остался волшебником, способным меня, ребенка, по-прежнему поражать недоступными моему пониманию чудесами. Волшебником - а не впадшим в детство испуганным стариком.

Я договорился с ним, что, ну, вот, если еще один приступ, то тогда уже обязательно, в больницу.

Приступ случился через пару дней. Отца умчали на скорой. Он умер по дороге.

- Мы знали, что ваш отец уважаемый человек, и сделали больше обычного, - сказал мне в утешение врач, когда я пришел за вещами.

Изабелла ПОБЕДИНА

К выходу "Неотторжимых от Сиона"

(О семье Бабаликашвили)

Много лет назад на радиостанции РЭКА я слушала одну из передач Шуламит Шалит и вдруг мой слух поймал знакомое имя - Нисан Бабаликашвили. А еще через несколько минут узнаю, что он, оказывается, умер. Очень расстроилась...

Перед глазами сразу встала картина: Тбилиси, я с Гией Маргвелашвили (литературовед и критик) и его женой, искусствоведом Этери Думбадзе, в гостях у Шурика - поэта и писателя Александра Цыбулевского, а там и его друг Нисан Бабаликашвили. Из всех сидевших тогда за столом в живых осталась я одна... Не помню, о чем мы говорили, что ели, что пили. Запомнила только Шурика, который со смехом произнес: "Надо же - месяц Нисан и имя Нисан", и - тихую улыбку на бледном лице Нисана.

Я была такой "нееврейкой" в тот период, что, кажется, даже не знала, что в еврейском календаре был месяц нисан, не знала ни про научную работу и интересные открытия востоковеда Нисана, ни о том, что он уже много лет преподавал иврит на официальном уровне, в Тбилисском университете.

В 2006 году в "Новостях недели" (в приложении "Еврейский камертон") была первая публикация эссе Шуламит Шалит "Неотторжимые от Сиона" - о тбилисском раввине Израиле Бабаликашвили и о его семье - жене Малке, двух сыновьях - Иосифе и Нисане (только его одного я знала лично) и двух дочерях - Хае-Мерав (Цаце) и Риве. Резонанс на выход этой работы в печати оказался столь широк, что ее перепечатали сначала на сайте "Еврейская старина", потом в московском "Еврейском слове", где ее прочел приехавший в Москву из США родственник их семьи. Прежде чем переслать газету в Грузию, он позвонил в Иерусалим, Цаце, а она, в свою очередь, сестре Риве. А та в ответ смеется, потому что ей только что звонили из Тбилиси: популярный Вестник еврейской общины Грузии "26 веков" публикует рассказ о Бабаликашвили в своем мартовском номере за 2007.

И да здравствует наш "Еврейский камертон" газеты "Новости недели"!

Через 10 лет, к 30-летию кончины Нисана Бабаликашвили, Ш.Шалит вернулась к этой теме и опубликовала новое эссе "Дорогие мои "Картвели эбразлеби", где рассказала уже обо всех членах этой необыкновенной семьи. А для меня слова "Картвели эбразлеби" - грузинские евреи, как бальзам на душу! Я жила среди них, я дружила с ними, я хорошо их знала!

Тем временем в Москве решили издавать книгу Александра Цыбулевского "Поэтика доподлинности". Московский писатель, литературовед, председатель Мандельштамовского общества Павел Нерлер предложил мне быть соредактором этой книги, и я с радостью согласи-

лась. Среди прочего, я должна была давать пояснения, кто есть кто в "Записных книжках" Цыбулевского. Работать оказалось очень трудно и, в первую очередь, психологически, ведь как автора, так и многих других его и моих друзей, я знала лично, а теперь их уже нет среди нас... Узнав, над чем я работаю, Шуламит Шалит попросила свою уже давнюю знакомую Цацу (Хая-Мерав) Бабаликашвили, сестру Нисана, написать свои воспоминания о Шуре, бывшем дорогим гостем в их доме. Глубокие и поэтичные, на мой взгляд, воспоминания, были также опубликованы в газете "Новости недели", в приложении "Еврейский камертон".

Не могу не привести одной маленькой цитаты:

"Приходу Цыбулевского как-то по-особенному бывал рад наш папа, рабби Израиль Аронович Бабаликашвили. А понравившегося ему человека отец всегда и без видных стараний умел вызывать на задушевную беседу. Благодаря своей наблюдательности отец очень скоро заметил, что Шуре как-то неловко за свои поверхностные познания в вопросах еврейской истории, религии и поэтому вел свои беседы именно в таком "русле". Позднее Шура признавался моему брату Нисану: "Беседы с твоим отцом - это краткий курс моего еврейского университета!"

Чем привлек меня этот отрывок? Под впечатлением такого рода бесед Шурик приходил к своим грузинским друзьям Маргвелашвили и делился с ними знаниями о еврейской традиции, о праздниках, обычаях. А потом приходила я, и мне все это пересказывалось. Так что и я могу считать себя заочной ученицей знаменитого рабби!

А с самой дочерью раввина Бабаликашвили, Цацей, я познакомилась 12 июня 2017 года в Иерусалиме, где состоялась презентация книги Александра Цыбулевского "Поэтика доподлинности", приуроченная к Международной книжной ярмарке. Как соредактор книги я получила несколько ее экземпляров прямо из рук нашего гостя, Павла Нерлера, и один смо-

гла подарить сестре Нисана - Цаце Бабаликашвили.

Не прошло и полугодя, как я держу в руках подарок от Цацы - прекрасно изданную книгу "Неотторжимые от Сиона", названную по первому эссе Шуламит Шалит. Ее составители - Цаца и Рива (официально Хая-Мерав и Ревекка) Бабаликашвили.

В книге 548 страниц! Две сестры, дочери раввина, совершили подвиг, проделав колоссальную работу по сбору, переводу, комментариям огромного материала о своей семье.

Я не уверена, что держала когда-нибудь в руках такую чудо-книгу, изданную на трех языках: русском, грузинском и иврите!

Все материалы органично дополняют друг друга: что-то можно прочесть в переводе, где-то дана ссылка. Тщательно подобраны и прекрасно обработаны фото семьи и друзей. Я поймала себя на том, что с увлечением перечитываю написанное Шуламит Шалит и в 2006-м и в 2016-м. Впрочем, в книге много имен, много авторов - это и профессора из Грузии, России и Израйля, и друзья, и коллеги, и ученики...

Конечно, и издатель книги был замечательный, это Рахель Торпусман, с которой я, кстати, тоже имела честь познакомиться в тот день на книжной ярмарке. С той же нежностью и любовью, с какой эта книга написана, переведена с одного языка на другой и третий, она и скомпонована, и сформатирована, и издана в типографии "Цур-От". Хорошая книга невольно вызывает поток собственных воспоминаний и ассоциаций. Как-то мне прислали текст об одном известном раве (слово рав для меня уже привычнее, чем раввин). Каково же было мое удивление, когда я увидела, что написал статью мой бывший сосед по Батуми Арнольд Левин. А известный рав оказался его прадедом! Значит, тихий спокойный дядя Сема, скромный бухгалтер в банке, в доме которого его жена заплетала мне косички, кормила вкусным масляным печеньем с ароматом ванили, который я помню до сих пор, тот самый дядя Сема, который отводил потом меня в школу... Он

приходился знаменитому Хволесу внуком?! А рав Бабаликашвили, выясняется, был учеником Хволеса!

Я снова и снова обращаюсь к книге "Неотторжимые от Сиона". Вот "Тетрадь помыслов и стремлений, печалей и радостей" - это записи самого рабби.

Как поразительно он мыслил, как ясно излагал свои мысли!

У него родился сын, именно тот, которого я помню, Нисан. Рабби записывает:

"Станет ли он достойным сыном своего народа? Какие обязанности накладывает на него его еврейское происхождение? В чем сила еврея, живущего в галуте, вне пределов своей земли и в течение столетий сохранившего свою веру и традиции? Чем отличается еврей от других народов? Внушить уважение к другим народам, Богом созданным, и вместе с тем не смешаться с ними!"

Бог помог рабби! Сын вырос достойным человеком. Много успел за свою короткую жизнь.

Увы, не все записанное его отцом удалось сохранить, многое было изъято при бесконечных обысках с последующими отсидками в тюрьмах. Отобрав у человека свободу, власть подорвала и его жизненные силы. Не это ли причина того, что родившиеся после его заключения сыновья скончались такими молодыми?

Но каким же одаренным свыше был этот ребенок, Израиль Бабаликашвили, будущий раввин и учитель столь многих учеников, чтобы вырвавшись из цепких лап батрачества, пробиться за счет своих собственных способностей. Мальчик из глухого грузинского селения добрался до учебы сначала в местных хедерах, потом у рава Хволеса в Цхинвали, а затем в известной хабадской иешиве "Томхей тмимим" ("Поддерживающие непорочных")!

Невозможно без слез читать страницы посвященные рано скончавшимся братьям, таким безмерно талантливым... О маме Малке, о традициях и всем укладе жизни в доме увлекательно рассказывает все та же Цаца. А как трогательно рав заботился о всестороннем воспитании детей. Ради этого сам засел за изучение и светских наук, обзавелся специальной литературой, словарями... В их доме собирались не только на еврейские праздники, но и просто почитать редкие книги, обсудить их, послушать классическую музыку, посмотреть альбомы живописи. Для меня было неожиданностью услышать, что тихий скромный Нисан любил громко петь арии из опер во время долгих поездок-экспедиций вместе с Шурой. И как внушительен представленный в книге список научных трудов Нисана с фотоиллюстрациями Шурика Цыбулевского!

Увы, ни Израиль Бабаликашвили, ни его сыновья, ни Шурик не дожили до того времени, когда у многих евреев, и оставшихся в пределах бывшего СССР и еще больше - у тех, кто приехал на свою историческую родину, появилась или проявилась тяга к своей истории, к своей вере...

Я подумала, что если когда-нибудь поеду в Тбилиси, то на еврейском кладбище посетую не только могилу моей прабабушки Малки, но и Шурика Цыбулевского, и

членов семьи Бабакишвили. Благословенна их память! И спасибо за книгу!

Ее отец - великий Тышлер

В 2018 году исполняется 120 лет со дня рождения Александра Тышлера - живописца, графика, театрального художника, скульптора.

Много лет назад, когда еврейская актриса Сара Левина сказала мне, что в доме, где живет моя мама (обеих, увы, нет уже на свете), проживает дочь художника Александра Тышлера - Белла, я удивилась.

Никогда не слышала, что у Тышлера вообще была дочь. Тогда, 10 лет назад, ничего не нашла и в интернете. Википедия до сих пор молчит... Московские друзья знали только Флору Яковлевну Сыркину, вторую официальную жену художника.

И стала я невольно присматриваться к маминым соседям по девятиэтажному дому. По вечерам, когда я уходила от мамы, мое внимание иногда действительно привлекала женщина, шедшая мне навстречу. Она резко отличалась от остальных обитателей дома - сосредоточенным видом, стремительной походкой (позже выяснилось, что она просто боялась темноты) и очень короткой стрижкой.

Одна из соседок сказала, что Белла Тышлер живет на девятом этаже.

Однажды мы с ней встретились в лифте. Мама жила на втором этаже. Я вспомнила старый анекдот и сказала себе: "Если она нажмет на кнопку 9-го этажа, значит, это Белла Тышлер!". Расчет оказался верным, но едва я успела скороговоркой произнести несколько слов, как пришлось выходить.

В следующий раз мы почти столкнулись при выходе из здания и... дальше пошли вместе. Она была нарядная, в белом платье, глаза сверкали. Спешила на день рождения одной из трех любимых внучек, детей своего сына, которых тогда нянчила...

Мы обменялись телефонными номерами и стали периодически встречаться. Она рассказывала мне о своей судьбе, эпизоды из жизни с отцом, а я уговаривала ее опубликовать свои воспоминания. Оказывается, я была не единственной, кто

говорил ей то же самое, но она всем отказывала.

Прошло несколько лет, не стало моей мамы, я перестала ходить в сторону этого дома, с Беллой изредка перезванивались, общались при случайных встречах.

17 сентября 2017 года в Москве закрылась выставка работ Александра Тышлера, а до того Белла попросила меня написать от ее имени благодарственное письмо организаторам выставки. Она пришла, и мы с моего мэйла отправили письмо. Но в конце письма она с болью приписала: жаль, что ее не пригласили на открытие выставки, на что я ей, по-моему, резонно заметила:

- А кто о вас знает? Сидите здесь в тиши, никому не разрешаете о себе писать, сами нигде не публикуетесь.

Прошло еще несколько дней. На письмо так никто и не ответил...

И вдруг, на исходе Субботы, Белла звонит мне и говорит:

- Приходите, я хочу дать вам свои воспоминания. У меня есть также неопубликованные рисунки папы, его письма ко мне, семейные фотографии. Поможете мне сделать книгу?

Разумеется, я тут же помчалась к ней, понимая ее душевное состояние. Принесла рукопись домой, не могла прервать чтения, пока не дочитала до конца. Много стало понятным: и почему до сих пор никто не знал о существовании дочери, и что послужило одним из главных мотивов решения Беллы опубликовать свои воспоминания, и то, каким добрым и щедрым на любовь был А.Тышлер - любил двух своих жен, но детей ему родили две другие, в каждую из которых он безумно влюблялся, обожал и дочь и сына, были и другие женщины, да и в него влюблялись многие.

Белла вспоминает: "Вообще я всего боялась: темноты, леса, гула самолета, и папочка называл меня "дитя войны".

И далее она с благодарностью вспоминает, сколько любви, тепла и нежности проявил Тышлер, чтобы она могла отойти от ужасов войны, от страхов, зажатости. Каким тонким психологом, педагогом он был в отношении дочери, как старался помочь ей самоутвердиться... Все это видно из его писем, представленных в книге. Именно желание высветлить облик Насти - Анастасии Степановны Гроздовой, первой жены, и модели, и спасительницы отца, все ему прощавшей и незаслуженно всеми забытой, послужило одним из главных мотивов решения Беллы опубликовать свои воспоминания. "С огромным чувством самообладания и безумно любя отца, Настя

смогла сохранить свою безмерную любовь к нему и прожить с ним очень трудные sorok с лишним лет жизни".

Интересно, что и к Белле Настя относилась как к родной, хотя ее мамой была молодая красивая девушка Сима, работавшая в Минском еврейском театре костюмером: "Опять роман, опять влюбленность, и в 1934 году родилась я"! Жаль, что в книгу не вошли некоторые ее устные рассказы об отце.

Я недавно видела телепередачу, посвященную Тышлеру. Во второй части передачи Ирина Александровна Антонова говорит, что она училась вместе с Флорой Сыркиной, знала ее много лет, но ничего не знала о его первой жене Насте. И при этом и она и куратор выставки Анна Чудецкая признают, что лучшие женские портреты написаны Тышлером, когда ему позировала Настя!

Обсуждая этот момент в передаче, Белла рассказала удивительную историю. Она находилась в Москве, когда еще жив был Саша, ее брат по отцу, но уже скончалась вторая жена Тышлера. Они решили пойти в Музей личных коллекций ГМИИ им. А.Пушкина, посмотреть на картины отца, подаренные Флорой Сыркиной музею. В кассе им сказали, что зал с картинами Тышлера закрыт, для содержания залов в хорошем состоянии не хватает рабочих. Пришлось признаться, что они - дети Тышлера. Изумлению работников не было предела: как могло произойти, что они ничего не знали о существовании детей великого художника Тышлера?! Конечно, им тут же открыли оба зала, дав возможность посмотреть картины отца, который их так преданно любил и всячески опекал.

Надо сказать, что Белла Тышлер обладает феноменальной зрительной памятью, и это отразилось на стиле ее воспоминаний. Читаешь, и видишь все, как в хорошем кино. При таком обилии персонажей, часто со сложными судьбами, при неординарности самого героя, можно было бы написать блестящий сценарий! Наряду с именами выдающихся людей, входивших в круг друзей и знакомых Тышлера, Белла не забыла назвать имя простой женщины, чью память ей хотелось увековечить. Воспитательницу детского сада звали Александра Кандакова, и это она под бомбежками вывезла детей из горящего Минска и тем самым спасла им жизнь. Среди них была и семилетняя Белла. А мама ее погибла в гетто...

...И я взялась за работу. Набрала текст, сверстала, технически отредактировала, отсканировала фото и письма, сделала макет, вместе работали над дизайном облож-

ки. Моя дочь помогла мне сфотографировать большие листы рисунков художника, а Шуламит Шалит бережно отредактировала текст.

Когда мы подбирали для книги фотографии, меня поразило детское фото Беллы, где она очень похожа на Михоэлса.

Вот что пишет Белла о Михоэлсе:

"Я хорошо помню приезд Михоэлса в Минск. Вечером в день приезда Михоэлс пошел смотреть спектакль Белгосета. В те годы спектакли начинались поздно и поздно заканчивались. После спектакля все пришли к нам. Жили мы в здании бывшего еврейского театра, где актерские гримборные были приспособлены для нашего жилья. Я проснулась от шума: "Где Белла, где Белла?", - кричал Михоэлс. Он сел на мою постель, взял меня на руки (я была то-ненькая, как комарик, и с огромной копной волос) и приговаривая на идише "майн кинд", почему-то плакал, целовал меня и очень сильно обнимал.

Успокоившись, он вдруг сказал мне:

- Майн кинд, ты знаешь, почему ты на меня похожа? - я пожалала плечиками, - когда мама носила тебя в животике, она глаз с меня не спускала.

Спел мне колыбельную, тоже на идише. Все ушли в другую комнату и до утра слушали Михоэлса. Утром все пошли провожать Михоэлса в гостиницу "Беларусь", которая находилась почти через дорогу от нашего жилья".

А через несколько дней случилось то страшное убийство...

Художник Александр Тышлер обладал не только мощной фантазией, но и глубокими познаниями. Читая о нем, я думала, что и мне довелось встретить в жизни художника такого яркого таланта и глубокой эрудиции. Я говорю о Гаянэ Хачатурян, благословенна ее память! Не люблю, когда одного художника сравнивают с другим - каждый хороший художник самобытен. Но все авторы, писавшие о Тышлере, назову Сыркину, Чайковскую, Светлякова, сравнивали его творчество, в основном, с творчеством своих современников. Даже намекали на их влияние на него. Я не помню, упоминала ли Гаянэ в беседе Тышлера. Возможно, знала и подсознательно тоже была под его влиянием, совершенно неосознанно. В некоторых картинах Гаянэ Хачатурян я нашла определенное сходство с работами Тышлера, проявляющееся в композиционной сложности творений этих двух художников.

Например, и Тышлер, и Гаянэ любили водружать на головы женщин разные предметы. Но Тышлер не объяснял своих сложных композиций, а Гаянэ любила философски объяснять свой замысел. Меня она почему-то видела входящей в ее мастерскую с большим белым цветком в волосах...

Итак, большая работа закончена. Сделала, что могла. Найдется ли книга своего читателя, не знаю. Найдется ли кто-то, кто захочет издать книгу большим тиражом, тоже не знаю. Рада, что Белла Тышлер вышла из подполья и рассказала всем, что у ее отца было двое любимых детей и любимая первая жена. Это видно по письмам, по рисункам первой жены Насти Гроздовой, опубликованным в книге.

Белла Тышлер в детстве

Работы Тышлера (слева) и Гаянэ Хачатурян. Оба любили водружать на головы женщин разные предметы

ПЕПЕЛ КЛААСА: ХУДОЖНИК МЕЕР АКСЕЛЬРОД И ЕГО ЦИКЛ "НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ"

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Когда человек, пусть и по-смертно, становится известным, многие рады греться в лучах его славы, и неслучайно несколько государств бьются сегодня за право считать Меера (Марка) Аксельрода "своим" художником, находя на то более или менее веские причины. Он родился в 1902 году в городке Молодечно Виленской губернии. Коль скоро родился он в губернии, главным городом которой была Вильна (ныне Вильнюс), то в Литве его относят к числу местных деятелей культуры. Семья (кроме Меера в ней было еще трое детей) жила в "черте оседлости" Российской империи, частью которой этот городок стал в 1793 года, вследствие второго раздела Речи Посполитой.

Будучи рожденным в городе, неоднократно входившим в состав Польши, в том числе и на протяжении двадцати лет его молодости, Аксельрода порой относят к живописцам польской диаспоры. В 1939 году по пакту Молотова - Риббентропа Молодечно оказалось в зоне советских интересов и было присоединено к Белорусской ССР. В первой изданной в СССР в 1982 году книге об Аксельроде художник представлен как родившийся в Белоруссии, но частью Белоруссии Молодечно стало тогда, когда живописцу было уже 37 лет, и сам он, в 1919 году закончивший Минское реальное училище, на территории этой республики уже давно постоянно не жил...

В 1930-е годы художник много и активно работал в Крыму (в том числе в Феодосии и в сельскохозяйственной коммуне "Войо ново" - "Новый путь" на языке эсперанто - под Евпаторией), входившим тогда, как и сейчас, в состав России, но на протяжении шестидесяти лет, с 1954 по 2014 годы, бывшим частью Украины, а также под Киевом (в селе Трактомиров на Приднепровской возвышенности, ныне находящемся в Черкасской области) и на Донбассе (в Константиновке); в Государственном еврейском театре Украины в Киеве он в 1936 году оформил спектакль "Разбойник

Меер Аксельрод, "Автопортрет", 1921 г.

Бойтре" по пьесе расстрелянного год спустя идишского поэта и драматурга Моисея Кульбака (1896-1937). Созданные Меером Аксельродом живописные и графические произведения, а также театральные декорации заслуженно входят поэтому и в историю украинского искусства. В Запорожском художественном музее хранится большое полотно М.Аксельрода "Красный обоз" (метр в высоту, более метра с четвертью в ширину), созданное в 1932 году; дочь художника относит его к числу самых лучших работ отца.

Этим, однако, география творческой биографии М.Аксельрода не ограничивается. Его самая первая персональная выставка прошла в 1944 году в Алма-Ате, где художник, работавший над декорациями к знаменитому фильму "Иван Грозный", и его семья находились в эвакуации с осени 1941 года - и этим имя Аксельрода вписано и в историю искусства и музейного дела Казахстана. В Алма-Ате и поселке Яны-Курган художник создал не-

сколько циклов работ, запечатлевших эти места. Однако еще более важно то, что именно там художником была создана впечатляющая серия из тридцати работ (все они - на бумаге или на картоне), озаглавленная "Зверства немцев" (шесть работ из серии "Немецкие зверства" были представлены на групповой выставке уже в 1942 году; в книге о художнике Георгия Федорова она фигурирует под названием "Немецкая оккупация"). Эта серия имеет важное национально-историческое значение, перекликаясь со знаменитыми публицистическими статьями Ильи Эренбурга, которые в те же годы Великой Отечественной войны и Холокоста читала едва ли не вся страна. В этих работах "ощущается элемент документальности, они гневно публицистичны, - справедливо отмечал Г.А.Федоров. - Мир палачей и жертв, насилие, издевательства, расстрелы, руины, пепелища - колорит этих мрачных сюжетов почти монохромнен".

Меер Аксельрод сформиро-

вался как художник и прожил большую часть жизни в России, где в 1966 году в зале Московского отделения Союза художников на Кузнецком мосту прошла его самая представительная прижизненная выставка. Хотя выставка эта не была персональной, в ней участвовали три художника и два скульптора, Аксельроду удалось показать зрителям две с половиной сотни своих работ. Однако, как справедливо отмечал в посвященной этой выставке статье выдающийся поэт Борис Слуцкий, "это малая, даже не десятая, даже не двадцатая часть сотворенного и творимого талантливым художником". Работы из цикла "Зверства немцев" показаны тогда не были... К сожалению, на самой большой выставке, на которой были представлены произведения Меера Аксельрода (в феврале 2006 года целый этаж одного из своих зданий под работы этого художника предоставил знаменитый Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина на Волхонке), ни одна из тридцати работ цикла "Немецкая оккупация" не экспонировалась. Не были представлены эти работы и на выставке ранних работ художника, с успехом прошедшей в галерее "Проун" в Центре современного искусства "Винзавод" осенью 2010 года, вследствие чего они практически не известны даже специалистам, с чем никак нельзя смириться.

Молодечно, где родился художник, находилось под немецкой оккупацией с 26 июня 1941 по 5 июля 1944 года; в северо-восточной части города был создан концентрационный лагерь "Шталаг 342", на территории которого погибло более тридцати трех тысяч человек. Достоверно неизвестно ни количество местных жителей, ни количество евреев среди них; жертвами немецко-фашистских захватчиков становились советские люди разных национальностей. Непосредственным свидетелем гибели своих земляков Меер Аксельрод не был, однако думы об их трагической судьбе не покидали его. В первые недели Великой Отечественной войны он работал в "Окнах ТАСС", где, естественно, видел репортажи о злодеяниях

немецко-фашистских захватчиков. По свидетельству дочери художника поэтессы Елены Аксельрод, в поезде, в котором она с отцом и матерью, писательницей Ревеккой Рубиной, на протяжении трех месяцев добиралась в эвакуацию - через Урал, Сибирь и Северный Казахстан - было немало беженцев из Польши, страшные рассказы которых о злодеяниях нацистов и их пособников невозможно было забыть. По словам дочери художника, "с польскими евреями, бежавшими из оккупированной Польши, отсидевшими или еще не отсидевшими в советских тюрьмах, моих родителей надолго связала дружба". Эти люди рассказали Аксельроду все, что видели, чему непосредственно были свидетелями: о расстрелах, изнасилованиях, акциях уничтожения, виселицах... Именно этим объясняется пронзительная, почти документальная сила воздействия работ этой серии на зрителя.

Видный искусствовед Юрий Герчук (1926-2014) справедливо указывал, что "в творчестве Аксельрода определенно господствовало волевое начало, а в ранние годы и отчетливо экспрессивное. Но с годами заметно усиливались у него живописные тенденции, стремление строить пространство и форму цветом, всегда плотным, но сложно и тонко нюансированным. Позднее, в 1945 году, он как-то сказал, что "живопись должна быть музыкой. Тогда лишь напишешь мотив, когда можешь его как бы спеть". Эти слова неслучайно были сказаны именно в 1945 году; Меер Аксельрод не был композитором, но цикл "Зверства немцев" - это именно его живописный Реквием по невинно убиенным, по тем, кого уже невозможно спасти, но можно лишь оплакивать. У него не было не то, что холстов, - не было картона, не было даже бумаги, и некоторые из работ созданы буквально на газетных страницах, на обороте речей Сталина и приказов Ставки Верховного главнокомандования... Художник создавал эти работы не потому, что мог их нарисовать, а потому, что не мог не сделать этого, в каких бы стесненных бытовых и материальных условиях он ни находился...

Насколько известно, эта серия гуашей и акварелей представляет собой единственный большой цикл о зверствах немцев и жизни и смерти под пятой нацистской оккупации, созданный крупным художником непосредственно во время войны. В Советском Союзе получили широкую известность произведе-

Меер Аксельрод, "Старики, женщины, дети..."

ния художников-фронтовиков Евсея Моисеенко, Гелия Коржева, Михаила Савицкого, Леонида Щемелёва, но все они, будучи моложе Аксельрода на пятнадцать-двадцать лет и более, создавали свои работы спустя годы и годы после того, как война закончилась. Этот же цикл создан непосредственно во время войны, ког-

да еще совсем не было понятно, как именно и когда она закончится. Как справедливо указывает искусствовед Любовь Агафонова, готовящая в настоящее время первую выставку этого уникального собрания, "в этих страшных полотнах отражен не только весь ужас жизни на оккупированных нацистами территории

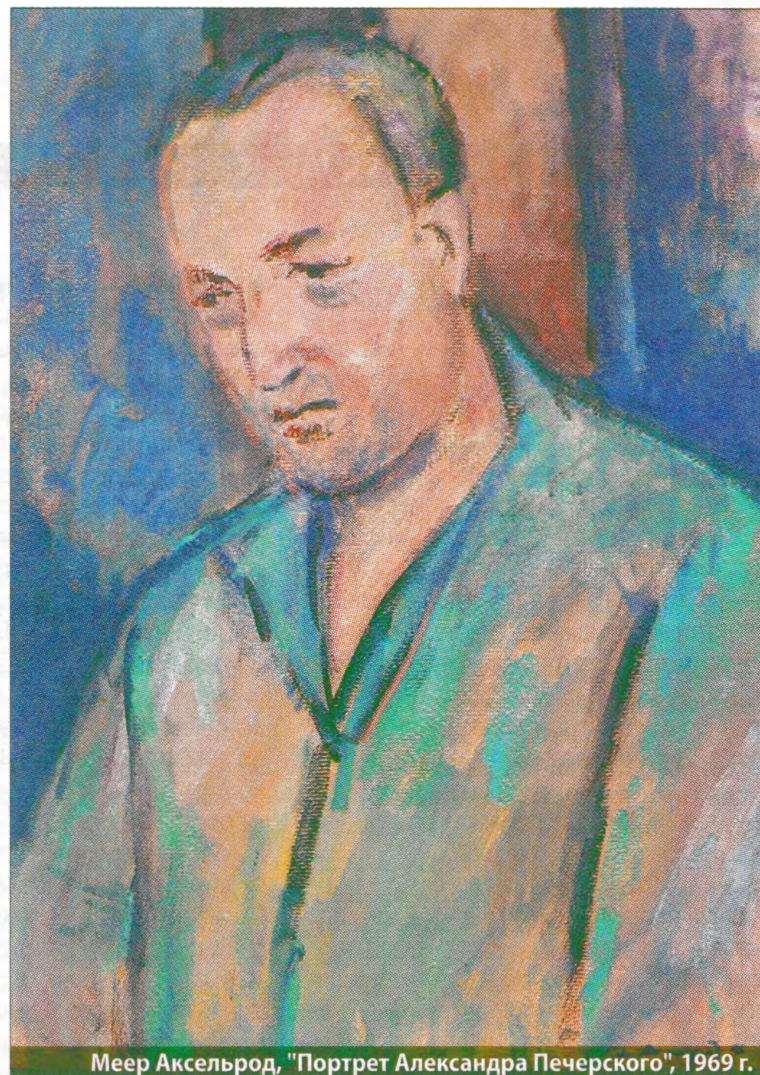
Меер Аксельрод, "Насильники", 1942 г.

Меер Аксельрод, "Акция", не позднее 1944 г.

Советского Союза и "будни" Холокоста, но и массовое движение антифашистского сопротивления, героизм партизан и подпольщиков. Среди таких работ особое внимание привлекает единственный прижизненный портрет Александра Печерского, руководителя восстания в лагере смерти Собибор".

Портрет Александра Печерского (1909-1990) - человека беспримерной храбрости, недавно посмертно награжденного президентом России орденом Мужества, Меер Аксельрод создал незадолго до своей кончины, в 1969 году, то есть почти четверть века спустя после окончания войны. Однако о людях, борющихся с нацистскими оккупантами, даже имея лишь минимальные шансы на выживание, М.Аксельрод думал и в 1940-е годы. Именно его рисунок тушью помещен на переплете книги Григория Смоляра (1905-1993) "Из Минского гетто", опубликованной в Москве в 1946 году на языке идиш, а спустя год - и порусски под заголовком "Мстители гетто". Эта книга - один из редчайших примеров документальной литературы о борцах-подпольщиках, успевших быть изданной в короткий - всего три года! - период между окончанием Великой Отечественной войны и началом борьбы с так называемыми "безродными космополитами". Неслучайно в восьмом томе вышедшей в Иерусалиме энциклопедии ука-

Меер Аксельрод, "Портрет Александра Печерского", 1969 г.

зывалось, что "многие десятилетия она была единственной советской книгой на русском языке о еврейском антинацистском сопротивлении". Меер Аксельрод сделал несколько различных эскизов для оформления обложки этой книги, и жаль, что то, что не попало на переплет, не было

репродуцировано в тексте - и потому так и остается неизвестным до настоящего времени даже специалистам. В 1958 году М.Аксельрод иллюстрировал книгу Михаила Лева "Партизанские тропы", в которой рассказывалось о плене, концлагере, победе и сопротивлении нацистам. Подлинники иллюстраций и эскизов обложек к этой книге до сих пор тоже никогда не выставлялись.

Готовящаяся в настоящее время выставка, на которой сохранившиеся работы цикла произведений Меера Аксельрода военных лет впервые станут доступными зрителям полностью, будет не только способствовать восстановлению исторической справедливости, но и позволит вернуть в анналы российской и мировой культуры работы, имеющие важное значение для понимания того, как многонациональный советский народ сумел выстоять под пятой гитлеризма и, в конечном счете, внести решающий вклад в его разгром. Значение этой уникальной коллекции выходит далеко за рамки чисто художественного собрания; это - голос наших предков, живое свидетельство поступи истории, через семь с лишним десятилетий обращающейся к нам, нашим мыслям, чувствам, памяти и совести. Это вызов, который мы обязаны принять, это моральная планка, которой мы должны стремиться соответствовать.

Меер Аксельрод, "Прощание", 1946 г.

ОТЪЕЗД

Глава из будущей книги

Лариса КАЗАКЕВИЧ

В конце 80-х начался полный развал в стране. На улицах избивали людей, милиционеры отходили в сторонку. Агрессия населения просто зашкаливала. Как-то в магазине дядька, глядя на меня, весело так сказал: "Скоро мы постреляем!". А однажды в троллейбусе сидевший сзади мужчина прошептал мне на ухо: "Скоро начнем вешать вас на фонарях". Я пересела на освободившееся место сзади. Он обернулся, посмотрел на меня и почему-то запаниковал, замельтешил, задергался, лицо у него перекошилось, и он выскочил в открывшиеся на остановке двери. Не знаю, почему мой вид вызвал в нем такую панику. Может быть, он решил, что обозначался, что я не еврейка?

Мой переезд в Израиль с детьми произошёл бурно и стремительно. Я не могу сказать, что не думала об отъезде раньше. Думала, и давно. Но в силу разных, в основном семейных, причин это было недостижимо. Как улететь на другую планету. Так мне это представлялось. И вдруг я разозлилась. Происходит это со мной чрезвычайно редко. Но если уж происходит, именно в эти моменты я глобально меняю свою жизнь. Так что злость для меня в определенных обстоятельствах является в некотором роде двигателем жизни, вернее - ее рычагом.

До этого жизнь текла своим чередом. Школа, институт, работа, замужество, дети... Я жила себе поживала в своем государстве. И только когда все сдвинулось в этом (уже том) устойчивом мире, как раз и возник тот редчайший в моей жизни момент, когда я разозлилась. Не на пустые магазины и прочие бытовые неурядицы - во имя переустройства системы я была готова на лишения. Меня разозлили все крепнущие и расширяющиеся разговоры о том, что в бедах России виноваты евреи. Я обиделась за свой народ. Я обиделась за себя. И решила: раз евреи не дают вам строить счастливую русскую жизнь, я не хочу вам мешать - стройте и живите счастливо и зажиточно. А я уеду к своему народу - к евреям.

И, как ни странно, помог мне окончательно решиться на отъезд как раз тот человек, который делал этот отъезд невозможным, - мой муж.

У нас и раньше наметились нелады, которые переросли в очень непростые отношения. Я не могла понять, что происходит. Да на такую жену, какой была я, нужно было молиться и радоваться, что она рядом. Он был журналист, не без таланта, у него вышли три книжки, которые сразу же разошлись. Вся домашняя нагрузка была на мне - хозяйство, дети, да и зарабатывала я неплохо. Но он все был недоволен. И наконец я поняла: виной всему - комплекс неполноценности. Причем по отношению не только ко мне,

но и к моему отцу. Муж как-то сказал мне со злостью, что мой папа был не такой уж хороший писатель и человек, как об этом говорят и пишут, на что я спокойно ему ответила, что это неважно и его это не касается, а мой папа такой, какой есть. Когда я поняла причину его терзаний, я сказала ему об этом и сказала, что у него нет оснований для такого комплекса - он журналист, пишет и издает книги, а я занимаюсь домом, подрабатываю корректурой и печатанием на машинке (этот разговор был до моей работы в издательстве), так что комплекс скорее может быть у меня. Но наши комплексы логике неподвластны. Когда же я "вышла в начальство" - начала работать в издательстве, он стал вести себя просто безобразно.

А уж с началом перестройки муж и вовсе стал неуправляемым. Видимо, тогда еще, на заре перемен, которым я так радовалась, - было физическое ощущение, что в заткнутую бочку вдруг хлынули потоки воздуха, вдруг задышалось, люди переставали бояться друг друга, одним словом, казалось, что эпоха маразма кончилась и тухлая бочка распалась, - так вот, в этот первый горбачевский год мой муж, человек пронзительный да к тому же знающий русский национальный характер изнутри, видимо, предвидел, какой разрухой и какими бытовыми и прочими тяготами вся эта история обернется. И он опсихел. Он просто начал кидаться на всех. Он всех обзывал. А поскольку я не скрывала своего отношения к происходящему, он в орбиту своего опсихения включил и меня.

Муж мой был по национальности русский, с четвертушкой армянской крови. Я не обращала внимания на национальную принадлежность, главное - чтобы человек был хороший. Так я и делила людей - на хороших и плохих, вернее - на в основном хороших и в основном плохих. Только потом, задним числом, я поняла, что четвертушка армянской крови мужа мне импонировала - армяне, как и евреи, много претерпели и это должно накладывало отпечаток на характер и поведение - так мне казалось.

И, как у истинно русского человека (армянская четвертушка, вопреки моим тайным надеждам, не вступила во взаимодействие с тремя русскими четвертушками), у него недовольство происходящим пошло по линии антиеврейской. Что-то проскальзывало время от времени, пока не произошел взрыв.

Естественно, я сказала мужу о своих настроениях и намерениях, предложив уехать всем семейством. Он выслушал и промолчал. Я поняла это как необходимость поразмышлять, а потом обсудить и вместе решить, как быть дальше.

Через несколько дней, после ужина, за которым он крепко выпил, он вошел в комнату сына, где сидели четыре члена

Мама, мои дети и я

нашего семейства: дети, собака Чарли (приблудный песик, оставшийся у нас и названный так в честь того Чарли, с которым Стейнбек путешествовал в поисках Америки) и я, и разразился речью. Он сказал, что от нас, жидов, только такого и можно ожидать, что мы, евреи, всегда предаем свою родину и устраиваемся, где лучше, и если на родине становится плохо, мы убегаем, как крысы с тонущего корабля (несколько лет назад мы вместе с ним смеялись над одним деятелем, который на митинге клеймил редких тогда "отъезжантов" и именно так и сказал: "Они бегут, как крысы с тонущего корабля"), что очень жаль, что Гитлер не добил нас всех...

Мы - дети, собака и я - сидели, оглушенные этим потоком. Дети вообще первый раз слышали этот привычный нам, взрослым, набор антисемитских аргументов. И вот они услышали - не на улице, не на митинге общества "Память", а в своей собственной квартире от своего собственного папы.

Он говорил, а мы молчали и смотрели на него не шевелясь.

И тут я поняла, что - все. Я еще не знала, но знала, что мы уедем.

Ни практически, ни теоретически мой отъезд с детьми без разрешения их отца был невозможен - не выпускают из страны детей без разрешения их родителя. Оказывается, и не выпускают в другую страну тоже - есть такая международная конвенция, о которой знает весь мир и только мы, простые советские обыватели, не знали. Не знала и я, к счастью для себя. А то не стала бы и затеваться с отъездом. Из чего я делаю вывод, что незнание иногда оборачивается большим благом, чем знание.

Итак, моя семейная жизнь распалась благодаря Михаилу Сергеевичу

Горбачеву, задумавшему подновить, реставрировать эту систему-монстра, этого колосса на глиняных ногах, этого чудовищного голема, раскинувшегося на 1/6 части суши. Ах, эта самая большая страна, в которой женщины самые равнобедренные! Я гордилась своей самой большой страной, но иногда так хотелось прозреваемого мною уюта небольшого государства. Представлялось, что в маленькой стране человек чувствует себя более значимым, более нужным. А на этой 1/6 части суши люди - как песчинки, затерянные на громадном неудобном берегу.

И я благодарна Михаилу Сергеевичу, очень тепло к нему относясь и защищая его от всех нападков, которым он так часто подвергался, да и сейчас, по-моему, подвергается.

Итак, я, человек прямой и нередко даже прямолинейный, абсолютно законопослушный, начала искать обходные пути отъезда.

Представители нашего семейства уже пребывали в Израиле - моя сестра Оля уехала туда в 73-м году. В те времена подача документов на выезд, как помнят многие, была чревата массой неприятностей - собрания сослуживцев гвоздили таких людей как предателей родины, этих предателей увольняли с работы, а многие сами предварительно увольнялись, слишком активных борцов за выезд арестовывали... Как сделать жизнь советского человека невыносимой - тут советские органы не знали себе равных по разнообразию методов. Досталось и моей сестре, и ее мужу. Они участвовали в акциях борцов за выезд - в демонстрациях, сидячих забастовках. Например, они участвовали в голодной забастовке на Центральном телеграфе на улице Горького - сидели там целый день, а потом пришли милиционеры

и всех забрали в милицию. В милиции их держали много часов, потом отпустили женщин с детьми. Назавтра был суд, их обвинили в хулиганстве. Кого-то отпустили, а кого-то арестовали на 15 суток. Оля была в числе отпущенных, а ее мужа арестовали на 15 суток - такой был минимум за хулиганство.

Нужно сказать, что наша квартира в результате деятельности Оли и Миши начала пользоваться особым вниманием, тем более что у нас в Лаврушинском переулке собирались борцы за выезд и вообще - диссиденты. На тротуаре при подходе к нашему подъезду на расстоянии примерно двух метров друг от друга стояли "искусствоведы в штатском". Они не предпринимали никаких действий, просто стояли. Должна сказать, что я, проходя мимо них, нахально им улыбалась, и некоторые смущенно отводили глаза.

Маме мы не рассказывали об арестах Миши, чтобы ее не беспокоить. Мы могли соблюдать эту тайну, так как в связи с их предстоящим отъездом (в который мы, несмотря ни на что, верили) мы разменяли квартиру и они жили не с нами. Но после этого ареста к нам пожаловали четверо - трое в штатском и один в милицеской форме. Я открыла им дверь, пригласила войти, усадила рядом на диван. Я-то знала, что они пришли из-за Миши, а мама, как всегда, не знала. У нас тогда гостила Мишина мама, которая приехала из Николаева, где она жила. В общем, мамы ничего не знали и очень испугались. А я почему-то не испугалась и повела с этими людьми вполне светскую беседу. Должна сказать, что человек, который беседовал со мной, в полной мере продемонстрировал мне стиль беседы человека "из органов". На стене висел шарфик с нацепленными на нем значками. "Кто собирает значки?" - был его первый вопрос. Я сказала: "Сын". И тут же спросила: "А вы тоже собираете значки?" - "Нет", - ответил он. Он спросил: "А в какой школе он учится?" Я сказала: "В девятнадцатой". И тут же спросила: "У вас там тоже кто-то учится?" - "Нет", - ответил он. "Где вы работаете?" Я сказала. То есть он меня пугал: если что, мы и до сына доберемся, и до вас. Что-то он еще спрашивал, я совершенно спокойно и очень вежливо отвечала. Надеюсь, ему было ясно, что я не боюсь. Он, естественно, спросил, кто эти женщины. Я ответила. Мишина мама, у которой мужа в свое время забрали, и он не вернулся (потом его реабилитировали), испугалась ужасно, сказала, что она на один день, завтра же уезжает (и действительно назавтра уехала). Наша мама тоже испугалась, но за Мишу, так как был задан вопрос и о нем.

В какой-то момент тот человек, который задавал вопросы (он был главным в этой компании), встал и пошел по коридору. Он приоткрыл дверь в одну комнату, подергал дверь в другую комнату, но она была заперта, к счастью. Дело в том, что в этой комнате хранилось такое количество самиздата... Я спросила: "Вы пришли нас обыскивать?" И тут он почему-то испугался, вернулся обратно, сделал всем знак - и они быстро ушли, даже не попрощавшись. После их визита к нам

каждый день начал приходить участковый милиционер - почему-то он просил Мишину трудовую книжку. Ну, раз он просил, я спрятала эту книжку в одну из наших многочисленных книг и говорила ему, что не знаю, где она. Через несколько дней к нам пожаловал очень важный милицкий чин, сужу об этом потому, что на его брюках были внушительной толщины красные лампасы. Я быстренько завела его в комнату, и он спросил: "Вы чего-то боитесь? У вас соседи?" Я ответила: "Нет, не соседи. Но у нас мама. И ежедневные визиты милиционера ее очень волнуют". И эти визиты прекратились. Мишу через 15 суток выпустили. А потом неожиданно пришло разрешение на отъезд. Перед отъездом их пригласили в очень важный кабинет, и его хозяин попросил не держать зла, не обижаться, не рвать отношений со страной, даже приезжать.

Это было летом 73-года. А в конце 80-х, когда началась та самая перестройка, из Страны Советов начался массовый отъезд в другие страны. Это было как будто из закупоренной бутылки вынули пробку и то, что было внутри, рванулось наружу.

Я понимала, что уехать из страны с детьми, не заручившись разрешением отца, можно только в отпуск. И я решила, что попрошу моего дядю Леонарда, который жил в Канаде, прислать мне соответствующий вызов, а уж из Канады, как я считала, гораздо легче уехать в Израиль.

Оказывается, в начале 20-х годов родной брат папиного отца, то есть его дядя, уехал в Канаду, но мои родители нам об этом, естественно, не сообщали. Я узнала о наличии канадских родственников только тогда, когда Леонард, папин двоюродный брат, вместе с сыном приехал с туристической группой в Советский Союз (спасибо перестройке!) и пришел к нам.

Конечно, это был сложный и дорогой путь. Но неожиданно нашелся другой - более доступный. Подруга моей сестры Оли Эмма - бывшая москвичка, ставшая парижанкой, - прислала для нас из Парижа духи своему приятелю. Мы с дочерью поехали за духами и увидели у них в квартире чемоданы, ящики - видно было, что они приготовились к отъезду. Выяснилось, что в Израиль. И тут я решила и рассказала хозяйню дома о моей ситуации - о невозможности выезда туда из-за мужа и что я думаю уехать через Канаду. На что он мне ответил: зачем через Канаду? Эмма сейчас как раз в Москве, и можно уехать через Париж. Он дал мне ее телефон. Я незамедлительно позвонила ей, сказала все наши анкетные данные, и она по возвращении в Париж выслала мне и детям приглашение в гости.

И все закрутилось с невероятной быстротой.

Чтобы тайно от мужа оформлять даже гостевой вызов, мы с детьми переехали к маме - мне ведь нужна была свобода маневра. Для переезда я воспользовалась очередной пьяной выходкой мужа. А он и не возражал - в одиночестве ему было комфортней предаваться питию. Один раз тайна чуть не открылась. Я приехала вечером в свою квартиру - нужно было

что-то взять - и переночевала там. Утром - телефонный звонок. Мне не хотелось вставать, но телефон все звонил и звонил. Муж был в ванной, и я с неудовольствием взяла трубку. "Звонят из ОВИРа, - услышала я. - Вы не указали в анкете город рождения сына". - "Москва", - сказала я и тихо положила трубку.

Заграничные паспорта я получила в ОВИРе недели через две после подачи документов. И начался следующий спринтерский забег - хождение к французскому консульству и в посольства ФРГ и Бельгии - за транзитными визами, поскольку ехать мы собирались поездом. Сколько часов было выстояно перед французским консульством! Казалось, весь Советский Союз собрался во Францию и все граждане советской страны по утрам устремляются под стены этого консульства. В очереди мы перезнакомились, сроднились, узнали служебные и семейные дела друг друга, кто, к кому и зачем едет.

Наконец пришла моя очередь. Я явилась рано и ахнула - вдоль забора к консульству стояла очередь крепких мужиков, и они никого не пропускали. От отчаяния я подошла к милиционеру и сказала ему, что вот - моя же очередь. А он знал нас, видел, как мы приходили отмечаться. И он поставил меня и еще одну женщину из нашей группы впереди этих мужчин. Ворота открылись, женщина прошла. К нам подошла элегантная дама с молодым человеком, которым тоже нужно было в консульство. Она пренебрежительно посмотрела на нас на всех и сказала что-то не менее пренебрежительное. На что я не могла не отреагировать, сказав ей, что она напрасно так высокомерно относится к людям. Но в ней сквозь это высокомерие проглядывала какая-то незащищенность, даже жалость. И я, зная, что следующая очередь за мной (а пропускали по несколько человек), позволила ей встать впереди себя.

Оказалось, что умные дамы из нашей группы отдали той женщине, которая вошла передо мной, свои документы, и на этом лимит впускаемых был исчерпан. Для меня это было трагедией - виза в недалеком будущем заканчивалась, начинать все с самого начала было невозможно.

Итак, ворота больше не открылись. И тут молодой человек, который был с этой дамой, переговорил с впускающим публичку французом через решетку ворот, тот его впустил, и они о чем-то договорились. И этот парень, которого звали Андрей, сказал, что француз завтра впустит его первым, и взял у меня документы.

Назавтра с утра, еще до начала деятельности консульства, я была там. И вышел Андрей, и сказал, что все в порядке и что завтра нужно прийти и встать уже с другой стороны - там стояли те, чьи документы были приняты. И назавтра я пришла, отстояла уже совсем небольшую очередь и получила оформленные паспорта с визами. Заграничные паспорта были и у меня, и у Андрюши (ему уже исполнилось 16 лет), а Ксюша была вписана в мой паспорт.

Но это был еще не конец. Назавтра с

утра я пошла к посольству ФРГ за визой (тогда было еще две Германии), так как нужна была виза тех стран (не входящих в Варшавский блок), через которые двигался поезд в Париж. Я шла туда в уверенности, что здесь-то проблем не будет - подумай, визу поставить, да раз плюнуть. И ошиблась. Я увидела громадную змеевидную очередь. Что было делать? Я обреченно пошла в самый конец. Двигалась очередь быстро. И я подошла к окошечку, но оно как раз передо мной закрылось. Так что назавтра я встала ранним-ранехонько и визу в консульстве ФРГ все-таки получила.

Это какая-то непостижимая загадка: как только иностранные структуры попадают в систему советского государства, вокруг них тотчас же образуются очереди!

Ну а уж в консульстве Бельгии как-то обходились без очереди. Чему я очень обрадовалась.

И на этом хождения в консульства были завершены.

И вот мы - на Белорусском вокзале. Вещей мало - две дорожные сумки: мы ведь едем в отпуск. Нас провожают самые близкие люди, которые знают о нашем отъезде - навсегда.

Было, конечно, совестно на работе, где меня провожали в отпуск, желали хорошо отдохнуть и увидеть Париж. И перед знакомыми, которые ахали: "В отпуск? В Париж?!" И перед близкой приятельницей, которая по знакомству, с небольшой переплатой, достала нам без очереди (и тут очередь!) железнодорожные билеты. Но перед ней было совсем уж стыдно, и на ее пожелание счастливого возвращения я ответила: "Пожелайте нам лучше не вернуться". Она сразу поняла, ахнула и заплакала.

Наш вагон "Москва - Париж" был в середине поезда. Группа провожавших нас была самой большой, и провожание наше было горестным. Провожавшие нас плакали, и мы целовались, и нам дарили сувениры.

И наконец мы зашли в вагон. И когда шли по коридору, из купе выглянула одна из моих товарок по очереди во французское консульство, посмотрела на нас испуганно-изумленно и спросила: "На сколько вы едете?" - "На два месяца", - ответила я. Мы зашли в наше купе и увидели сгрудившихся у нашего окна друзей и родственников. Они что-то говорили, и лица их были заплаканы...

И мы поехали. И одна приятельница бежала, задыхаясь, вслед до конца перрона...

А я в тот момент так и не осознала, что уезжаю навсегда: суета отъезда, азарт секретности и преодоления связанных с этим сложностей, масса крупных и мелких дел - нужно было полностью, без возможности что-то доделать или исправить в будущем завершить ту жизнь.

И только ночью, когда все уgomонились и дети уснули, на меня нахлынуло: навсегда! И стало страшно. По-моему, никогда не было так страшно, как в этот ночной час. Я заставила себя выключиться, не думать, ничего не представлять, замереть. И так и уснула...

Анатолий ДОБРОВИЧ

Британцами угнетены шотландцы.
Терзают Каталонию испанцы.
Валлонами обижены фламандцы.
Пора страну на части разделить.
Оно понятно: местные засранцы
желают порулить.

Хотя, конечно, англичане гады,
испанцы каталонцев мучить рады,
фламандский дух валлонам невтерпёж.
Да и к тому же неизменен принцип:
своим давай плодиться, дай развиться,
а прочих уничтожь.

Как презирают русские чучмеков!
Как на жидов готов плевков у греков!
Как твякает хохол на москаля!
Как сербами босниец изувечен!
Как жутко Магомет бесчеловечен!
Осталось петь: "Слети к нам,
тихий вечер,
на минные поля".

* * *

"Любить евреев трудно.
Но надо". Лев Толстой.
Не надо, граф. Подспудно
греховен ваш настрой.
Явить хотите милость,
в себе преодолев
э... что у вас? Брезгливость?
Недоуменье? Гнев?
Да не любви нам надо! -
свидетельств, что не мы
причина мора, глада,
войн, засухи, чумы.
Просите европейцев
(их так легко любить)
при виде наших пейсов
хоть ружья не взводить.
Возможно, мы пройдохи
в уменье выживать.
Но кое в чем не плохи -
нельзя ль не убивать?
Не лезем к вам с братаньем.
Стерпеть должны и вы,
что больше мы не станем
копать себе же рвы.
Нашли, где поместиться,
есть танки, флот и гимн.
Хоть имя "палестинцы"
вы отдали другим.
Вам сладко предпочесть их,
им дорог ваш восторг.
А с нами - честь по чести:
война, работа, торг.

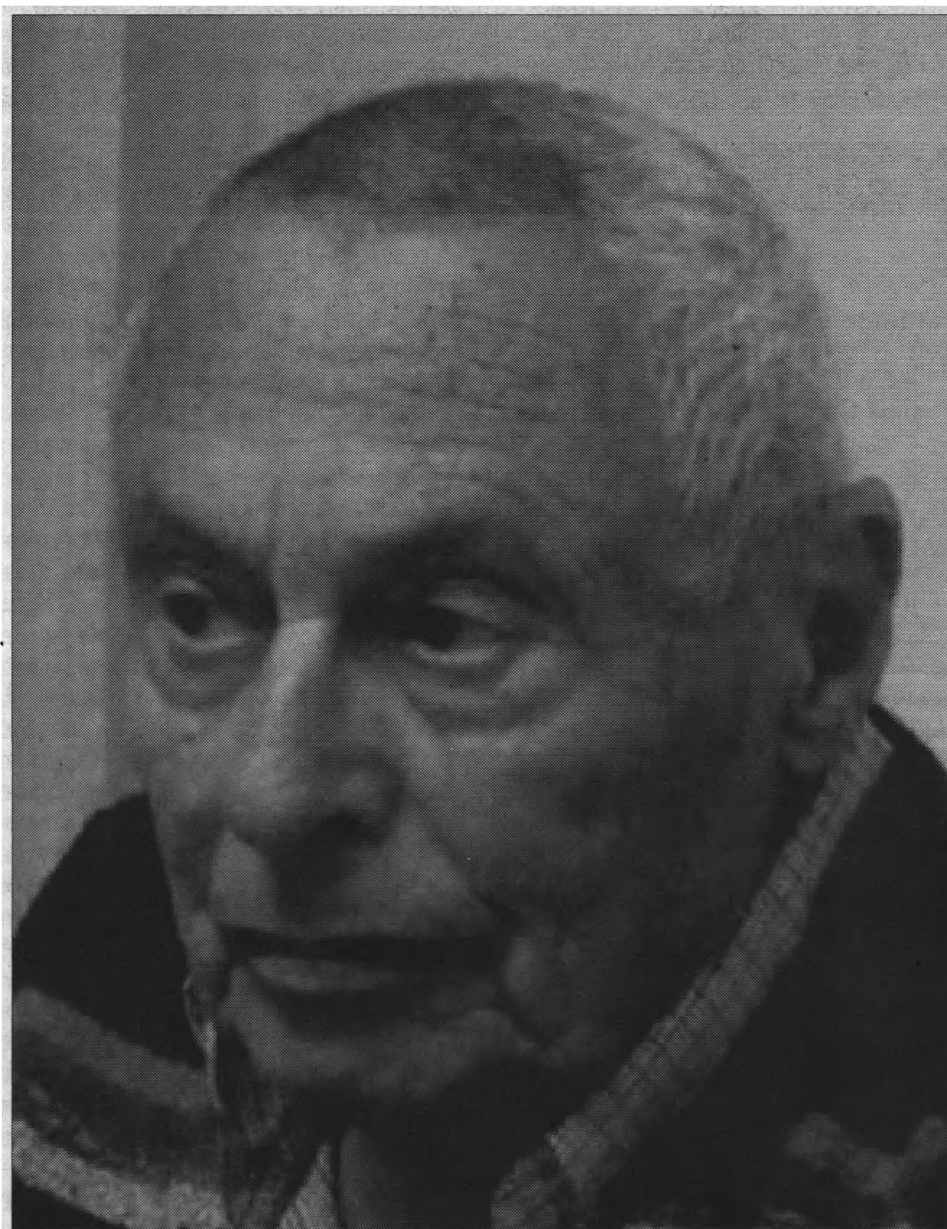
* * *

Объединились вохра и братки.
Пахан сегодня знает языки.
Смотрящий правит

банковской державой.
Произошел естественный отбор.
Куда уместней одаренный вор,
чем проповедник этики слюнявой.

Закон - тайга. Хозяин в ней - медведь.
А кто решит несчастным порадовать, -
пожалуйста! Да и с налога вычет.
А кто духовен, посещает храм.
Жизнь катится, полна возни и драм.
Делец рискует, недотёпа хнычет.

"БРИТАНЦАМИ УГНЕТЕНЫ ШОТЛАНДЦЫ..."

Не верится в грядущую зарю.
Гражданственность - служение царю.
Патриотизм - презренье к чужестранцу.
В гуманитарной сфере темный лес.
Зато такой технический прогресс,
что успевай вертеться и стараться.

О Боже, как я вовремя свалил!
Как за собой решительно спалил
мосты - и не настигло это горе.
А вот живу, не разлучён пока
с империей картин и языка,
симфоний, книг, научных категорий.

* * *

Что такое "в Бога верить"?
Вероятность Бога мерить?
Почему не просто знать:
видеть, слышать, отвечать?
Царь Вселенной, Ты в порядке?
Ты как царь - определён?
Почему играешь в прятки:
то на трон, а то за трон?
Оставляешь нам свободу?
Но ведь я свободы враг,

если я Владыке поддан,
а Владыка мудр и благ?
Ты вложил давным-давно
гибкий ум в свои создания.
Почему же с древа знания
есть плоды запрещено?

* * *

С чего начинается родина?
С бомбежек в далеких краях,
с хороших и верных товарищей,
погибших в сирийских боях.
А может, она начинается
со звона церквей и оков?
С возврата крестьян в крепостничест-
во,
к чему призывал Михалков?

А может, она начинается
с царя, патриарха и скреп,
чтоб лопали задницей к западу
мы собственный сыр или хлеб?
А может, - с отправки торпеды,
что взрывом цунами взовьёт
и смоев приморские местности,

а прочие в прах разотрёт?

С чего начинается родина?
С защиты пальмирской земли.
С угроз Киселева Америке:
мол, в атомной сдохнешь пыли?
А может, с восторгов за Путина,
что выгнал из Крыма хохлов?
А может, с Ролдугина, Дугина -
державных опор и основ?

С чего начинается родина?..

* * *

Если б вы знали, сколь часто
старость сдаваться велит.
Следует, скажем, скончаться.
Это, естественно, злит.

По стародавним канонам
следует быть погребённым
в виде костей и дерьма.
Что обижает весьма.

Как же смириться тебе
с тем, что развеешься паром,
так что отстроились даром
личность, судьба и т.п.?

Лучше погибшим в бою,
чем маразматиком в кресле.
Он им завидует, если
пали за правду свою.

Верить в пустые мечты
трезвым умам не годится.
Чей-нибудь текст сохранится.
Текст это текст. Но не ты.

Раз не выносит природа
лишнего рта и уroda,
в горы идёт Алитет.
Правильный менталитет!

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

1

Мне, юноше за восемьдесят лет,
так странно умирать.
Податься бы куда-нибудь в Пхукет,
а может, в Эмират.

И мало ли, что ноги не несут,
и лёгких только треть.
Раз доливают браги в твой сосуд,
неловко умереть.

Ну, выйдешь подышать, оставив круг
родных тебе существ.
"Куда он делся?" - кто-то спросит вдруг.
- "Бог с ним. Исчез".

2

Я был актер, игравший перед зеркалом,
так и не выпущенный в зал.
Вот окажусь наедине с прожектором -
пусть пробурчит: "Он ничего играл".

Я ничего играл, и в серебре стекла,
за собственной спиной
в какие-то минуты мне мерещился
не я. Иной.

ИЗ-ПОД ОБЛОМКОВ

Наум ВАЙМАН

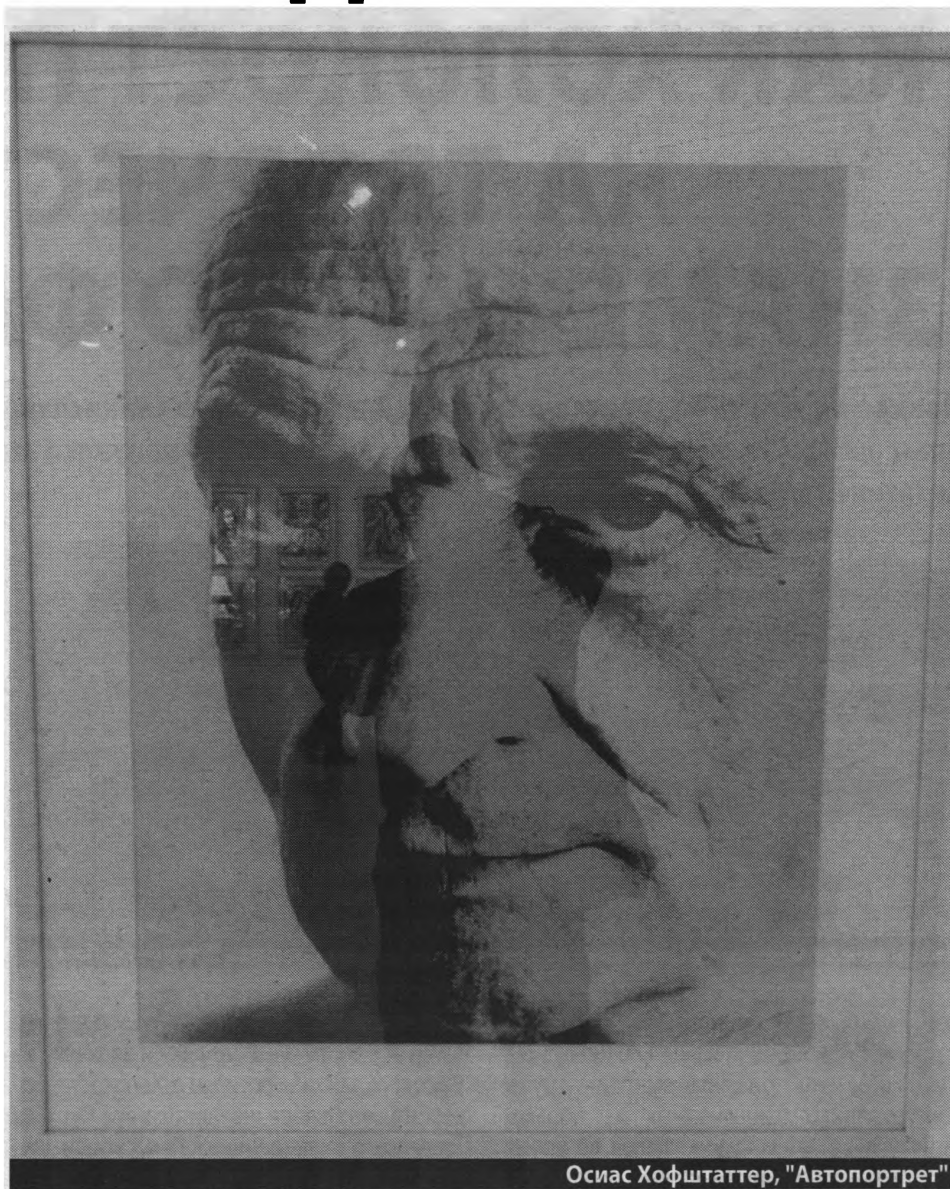
*"Чистых линий пучки благодарные,
Собираемы тонким лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом..."*
Мандельштам, 1937

В музее современного искусства в Герцлии идет (до 3 февраля 2018 года) выставка художника Осиаса Хофштаттера. Любители "поставить на полку", "определить место" того или иного художника считают его "экспрессионистом", в Израиле он получил "прописку" как "художник Катастрофы", а некоторые даже обзывают его "еврейский Гойя". Сколь выразительны эти комплименты: "еврейский Маяковский", "еврейский Гомер", "еврейский Пруст", каждый - готовый каламбур. Ну да Бог с ними, с определениями.

Художник по-настоящему интересный, очень интересный. Особенно рисунки, многие из которых сделаны простой зубной щеткой, обмокнутой в тушь. "Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему". Да, некоторые "мотивы" подхвачены у Гойи, напоминают Los Caprichos великого Франсиско Хосе де Гойи-и-Лусьентес. Сам художник говорит о влиянии Босха, которого зовет "нашим отцом" (современной живописи, современности вообще?). Признает и влияние Гойи, но считает донна Франсиско "беспощадным", а себя "милостивым". Еще называет себя "трагическим оптимистом". Вообще, судя по записям его выступлений, он еще и поэт, и даже философ. "Грудь женщины - глаза ее тела".

Родился он в 1905-м году в австро-венгерской Галиции, в семье мелкого коммивояжера, уже по дате и месту рождения обреченный стать беженцем (кто не бежал, тот и не выжил). В Первую мировую, когда войска российской империи организовали массовое выселение из прифронтовых областей "евреев-предателей", семья бежала в Вену, потом дальше, в Голландию, а затем в Германию. Ося закончил в 1921-м еврейскую реальную гимназию во Франкфурте, после чего семья вновь переехала в Вену, где и жила до аншлюса. В 1938-м Ося с сестрой и братом бежал в Бельгию, а родители оказались в смертельной ловушке: были изгнаны в Лодзь (Польша), а затем - кочевья по гетто и лагерям: Лодзь, Дахау, Бухенвальд, дальше следы теряются...

В Брюсселе, в довольно уже продвинутом для художника возрасте он начинает учиться живописи, его первые, вполне реалистические работы скорее лиричны, добры, в них много света. В 1940-м году он женится на Анне Шебстовой, но в том же году, после оккупации Бельгии их разбросало по разным лагерям, его - оказался в Южной Франции, недалеко от швейцарской границы. Его брату и сестре удалось бежать в Швейцарию, и в 1942-м они помогли Осе нелегально перебраться

Осиас Хофштаттер, "Автопортрет"

через границу, где он был арестован швейцарской полицией. Но швейцарская тюрьма все же лучше немецкого концлагеря. В тюрьме он рисовал, и швейцарские власти не только освободили его как талантливого художника, но предоставили возможность продолжить учебу в городской школе искусств в Цюрихе. После войны он воссоединился с женой и вернулся в Вену, где продолжил учебу в Академии художеств. В 1948-м они зачем-то перебрались в Польшу, возможно,

Осия Хофштаттер пытался найти родителей, но тут и польская ловушка захлопнулась, на этот раз с Востока. А в 1957-м они перебрались, уже окончательно в Израиль.

Часть еврейской интеллигенции Европы, выбравшись из-под ее обломков, постепенно собиралась в Израиле. Легко себе представить: государство еще в пеленках, но уже воюет, как младенец Геракл со змеями, посланными женой Зевса, а тут какой-то никому неизвестный

художник, мало ли их... Работал сторожем на стройках (брал на работу свою любимую собаку), рисовал. В 1958-м - первая персональная выставка в Израиле. Известность пришла поздно, и была поначалу "местного" масштаба. Все же это дало ему возможность оставить работу сторожем и полностью отдаться своему главному делу.

Потом уж были выставки в Сан-Паулу, Зальцбурге, Лондоне, а в 1974 - первая ретроспективная выставка в Тель-Авивском музее. Пришло настоящее и широкое признание. И всякие призы. В 1987 году была большая ретроспективная выставка в музее в Герцлии, которому художник завещал свои работы - более пяти тысяч. Биография завершается в 1994 году.

Кто навестит выставку, а я горячо рекомендую это сделать, обязательно посмотрите фильм о художнике, он идет без перерыва. То, что изображено на картинах, особенно на рисунках тушью, действительно напоминает монстров "Капричос", только у Хофштаттера они еще страшнее, полулюди-полузвери, многоликие и с перемешанными половыми признаками, мутанты войны, эпохи гибели, и в тоже время эта жуть эротична, полна странной и мрачной жизнью...

Однако - предоставим слово творцу.

Миколай ГЛИНСКИЙ

СТАНИСЛАВ ЛЕМ: КАК ХОЛОКОСТ ПОВЛИЯЛ НА ТВОРЧЕСТВО ЗНАМЕНИТОГО ФАНТАСТА

Правда ли, что за футуристическими сценами в книгах Станислава Лема кроется травматический опыт автора, пережившего Холокост? И почему более полувека этот факт ускользал от внимания читателей и литературоведов?

Львов между войнами (из материалов прессы)

Станислав Лем
в фотографиях Эльжбеты Лемпп

Писатель-фантаст Станислав Лем считается одним из самых известных польских авторов XX века. Его книги (в частности, "Кибериада" и "Звездные дневники Ийона Тихого") переведены на множество языков и проданы миллионными тиражами, а часть произведений (например, "Солярис") легла в основу фильмов. Многие из смелых футуристических прогнозов Лема сбылись, а в последние годы, увы, стала очевидной провидческая глубина его размышлений о темной стороне технического прогресса. В 2016 году вышла книга об авторе "Соляриса", которая высветила неожиданные аспекты его жизни и творчества, поставив тем самым под вопрос привычное восприятие произведений Лема.

В книге "Zagłada i gwiazdy" ("Холокост и звезды") исследовательница творчества Лема Агнешка Гаевская доказывает, что за яркими, смелыми и зачастую гротескными образами будущего скрывается полное травм прошлое самого писателя, чудом избежавшего гибели во время львовского погрома и потерявшего всех родственников в Холокосте. Всю свою жизнь писатель отказывался говорить о пережитом в годы войны и о своем еврейском прошлом. Выясняется, что вместо этого он зашифровал воспоминания в текстах своих произведений. Как пишет Гаевская, они появляются неожиданно "в нарративных лакунах, с виду случайных анекдотах, внезапных сюжетных поворотах и гротескных образах", и это объясняет, почему они так долго оставались невидимыми для читателей и ученых.

Лемберг

Станислав Лем родился во Львове (польское название Lwów, немецкое - Lemberg) в 1921 году, всего через три года после того как бывшая столица Галиции, восточной провинции Австро-Венгерской империи, вошла в состав возрожденной Польши. Его отец Самуил Лем, уважаемый врач, и мать Сабина (урожденная Воллер) были ассимилированными польскими евреями.

В автобиографии "Высокий замок" Лем пишет, что у него было счастливое, почти что идиллическое детство в окружении любящих родителей и множества кузин, тетюшек и дядюшек, однако те - и это показательно - на страницах его книг всегда появляются анонимно.

Рассказывая о своем детстве, Лем постоянно утверждал, что узнал о своем еврейском происхождении лишь после принятия Нюрнбергских расовых законов (1935 год). Гаевская уверена, что это не так: родители Лема поженились в синагоге и принимали активное участие в жизни еврейской общины Львова, в частности, жертвовали деньги на религиозные цели, а их сын посещал уроки иудаизма (и получал самые лучшие оценки). Все это можно считать доказательством того, что Лемы не порывали окончательно со своими еврейскими корнями.

Когда в 1941 году нацисты заняли Львов, Станиславу Лему было двадцать лет. Гаевская сумела первой реконструировать его биографию тех мрачных лет, заполнить несколько лакун и обнаружить факты, до сих пор окутанные тайной. В частности, тот факт, что

Лем выжил в так называемом "тюремном погроме" ("Львовский погром") 30 июня 1941 года, когда ему пришлось выносить трупы расстрелянных заключенных из тюрьмы "Бригидки", а затем чудом уцелел во время массовых расстрелов на улицах Львова. Его спас неожиданный приезд съемочной группы из Германии, из-за чего казнь отменили (эту сцену он позже зашифровал в своем научно-фантастическом романе "Глас Господа"). Вероятнее всего, следующие несколько месяцев Лем провел в львовском гетто, откуда сбежал по поддельным польским документам, позволившим ему устроиться на работу в немецкую компанию Rohstoffverfassung. Его родители все годы немецкой оккупации прятались в разных местах во Львове.

Когда война закончилась и стало ясно, что Львов окажется за пределами Польши, семья перебралась в Краков. К тому времени

почти все многочисленные родственники Лема - все анонимные тетюшки и дядюшки из "Высокого замка" - погибли в Холокосте, были убиты во Львове или концлагере Белжец. Последнего родственника Лема убили уже после войны во время погрома в городе Кельце.

Всю жизнь Лем отказывался говорить о пережитом в годы войны, а если и говорил, то, будучи мастером двусмысленности, тщательно маскировал реальные факты. Тем не менее Гаевская уверена, что ужасные события тех лет отразились как в научной фантастике Лема, так и в реалистической прозе, которую он писал в самом начале своей карьеры.

Зашифрованный Львов

Военная реальность появляется уже в первом романе Станислава Лема. "Больница преображения" - это реалистический роман, действие которого происходит во время войны в психиатрической клинике, где доктора готовятся к неминуемому приходу нацистов. Главный герой, доктор Стефан Тшинецкий, - поляк того же возраста, что и сам Лем на момент написания романа. В тексте не раз повторяется, что стоит Тшинецкому перестать бриться, как он становится похож на еврея.

Гаевская заметила еще одну (архитектурную) деталь, которая на первый взгляд кажется несущественной - "башню не то в турецком, не то в мавританском стиле", возвышающуюся над дальним корпусом больницы, назначение которой так и остается неясной. Гаевская опознала в ней львовский госпиталь св. Лазаря. Построенная в неомаври-

танском стиле в конце XIX века и расположенная неподалеку от дома Лема башня была узнаваемым элементом городского пейзажа.

Исследовательница полагает, что таким зашифрованным образом в романе Лема отражена не только военная трагедия пациентов психиатрической клиники, но и судьба еврейского населения Львова. Кроме того, как замечает Гаевская, это еще и часть сложнейшей игры с коммунистической цензурой в послевоенной Польше.

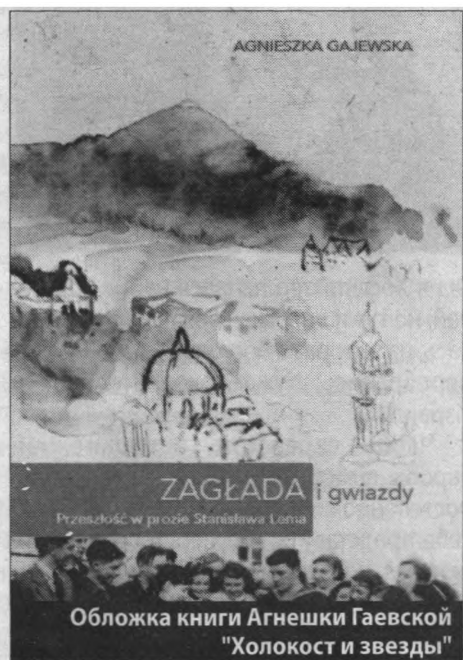
Следовательно, историю ликвидации психиатрической лечебницы можно считать не просто иносказанием или философской притчей, но и рассказом о доле еврейских жителей Львова, захваченного Советским Союзом, людей, о которых нельзя писать, и о страданиях, которых никто не желает слушать.

Тема войны и Холокоста звучит и в двух других романах Лема, которые вместе с "Больницей преображения" вошли в трилогию под названием "Неутраченное время". В один из них Лем включил псевдодокументальную главу под названием "Операция Рейнгард", в которой подробно описывается концлагерь Белжец, где скорее всего погибли многие родственники писателя. Гаевская приходит к выводу, что трилогию можно рассматривать как зашифрованный рассказ о жизни на так называемой арийской стороне: попытке спрятаться от нацистов и сбежать из гетто.

Тем более удивительно, что в автобиографии "Высокий замок", рассказывающей о детских годах, проведенных во Львове, Лем по непонятной причине умалчивает о любых еврейских аспектах своего детства, да и о присутствии евреев в городе в целом. Причины подобной внутренней цензуры очевидно были сложными, возможно, свою роль сыграла и реальная цензура в коммунистической Польше (так, название Львов вообще не упоминается на страницах книги), но Гаевская считает, что Лем сознательно выбрал такую стратегию - не обсуждать свое еврейское прошлое.

Астронавты с синдромом выжившего

Пожим образом Гаевская обнаружила следы львовских военных воспоминаний в

Обложка книги Агнешки Гаевской
"Холокост и звезды"

более известных произведениях Лема. Выявить эти следы было не так-то легко, поскольку, по словам исследовательницы, они скрыты "в виде аллюзий, ассоциаций и сравнений, вдобавок замаскированных обстоятельствами космических путешествий и альтернативным временем". В таком виде читателю их не заметить... Можно сказать, что Лем контрабандой пронес Холокост и свои воспоминания о нем в космос, чтобы мы смогли найти их много лет спустя. Отныне это показание выжившего.

Гаевская исследует следы военного опыта Лема, прибегнув к категориям свидетеля и выжившего, разработанным в научных работах, посвященных Холокосту. Военные мотивы у Лема не сводятся к сценам военного насилия, они охватывают и такие аспекты, как принудительные перемещения, эхо которых Гаевская находит в прозе и персонажах Лема. В частности, в образах главных героев, которые порой напоминают беженцев, странствующих через далекие галактики. "Возникает чувство, будто им некуда возвращаться", - пишет Гаевская.

Герой одного из ранних научно-фантастических романов Лема "Возвращение со звезд" по имени Эл Брегг возвращается на Землю из космической экспедиции и находит родную планету совершенно неузнаваемой (из-за релятивистского замедления времени он возвращается на Землю спустя сто двадцать семь лет, хотя для него путешествие заняло всего десять лет). Эл не дает покоя воспоминания о гибели его коллег-астронавтов. Психиатр, которого Гаевская считает alter ego самого Лема, советует ему ни с кем не делиться этими воспоминаниями, ведь рассказывая другим о пережитом, он лишь усугубляет свою изоляцию. Это роднит Брегга с типичными выжившими в катастрофе. Кажется, будто он не сможет жить нормальной жизнью...

Затем он случайно становится свидетелем селекции роботов для последующего уничтожения, и эта сцена, по мнению Гаевской, очень напоминает события середины XX века. Увиденная "механическая агония" приводит Брегга к нервному срыву. Таким образом можно считать, что в Эле Брегге Лем вывел образ выжившего в Холокосте, который возвращается в мир, где ему нет места, и с этим ему приходится как-то жить.

Холокост роботов и робот-диббук

Гаевская обнаружила множество скрытых аллюзий на Холокост в самом известном научно-фантастическом цикле Лема "Рассказы о пилоте Пирксе". Исследовательница доказывает, что один из рассказов - в котором группа людей на космическом корабле невольно становится свидетелем смерти экипажа другого космического корабля, после чего спокойно возвращается в зал для танцев, - можно считать проявлением темы равнодушия обывателей к страданиям людей во время Холокоста, происходящим прямо на их глазах. Гаевская называет этот рассказ Лема "космической версией Campo di Fiori", отсылая читателя к стихотворению Чеслава Милоша, самому известному воплощению этого мотива в поль-

ской литературе.

В другом классическом произведении Лема, "Звездные дневники Ийона Тихого" ("Путешествие одиннадцатое"), Ийон Тихий прибывает на планету, которой правят взбунтовавшиеся роботы, судя по всему научившиеся ужасающей жестокости от людей. Кульминацией становится макабрическая сцена, напоминающая селекцию в лагерях смерти, когда роботы, вооруженные топорами, проводят отбор человеческих детей.

По мнению Гаевской, в этом фрагменте, написанном стилизованным барочным языком, автор прибегнул к иронической дистанции, чтобы уйти от возможных ассоциаций с геноцидом евреев. У этого жуткого и гротескного изображения Холокоста нет равных в польской литературе. В дальнейшем читателю открывается истинная причина столь ужасного поведения роботов (оказывается, это люди, переодетые роботами), а в конце звучит горький ироничный вывод: "Утешительно все же думать, что лишь человек способен быть проходимцем".

В другом рассказе из цикла "Рассказы о пилоте Пирксе" ("Терминус") перед нами робот, оказавшийся единственным выжившим свидетелем гибели всех членов экипажа космического корабля в результате столкновения с метеоритным потоком. Выясняется, что в памяти травмированного робота сохранились последние записи членов экипажа, которые, находясь в разных отсеках, общались друг с другом посредством азбуки Морзе. Это аудиозапись становится своего рода запиской в бутылке от погибших астронавтов. Но, как пишет Гаевская, умирающие члены экипажа продолжают жить внутри робота, тем самым он чем-то напоминает диббук. Перед Пирксом встает моральная дилемма: должен ли он выключить (или скорее "уничтожить") робота, стерев тем самым ужасные воспоминания, но вместе с ними и следы существования тех людей.

Глас Господа: говорит Лем

Пожалуй, самый явный пример зашифровывания личного опыта в научно-фанта-

стических произведениях Лема - это его роман 1968 года "Глас Господа". Главный герой, профессор Хогарт (судя по всему, alter ego Лема), рассказывает о том, что случилось с его другом, профессором Раппопортом, в годы войны. На первый взгляд, эта история никак не связана с основным сюжетом романа об установлении контактов с внеземными цивилизациями.

История, рассказанная Раппопортом Хогарту, включает ужасающую сцену расстрела евреев во внутреннем дворе тюрьмы в его родном городе в 1942 году. Раппопорт несколько часов ждал у стены своей очереди, как вдруг из-за неожиданного приезда в город съемочной группы казнь отменили. За это время он стал свидетелем гротескной сцены, когда какой-то еврей пытался убедить немцев, что он тоже немец, говоря при этом на идише. В том состоянии сцена эта показалась Раппопорту очень забавной. Затем, стоя перед расстрельной командой в ожидании собственной смерти, он решает обратить свои мысли к реинкарнации.

И лишь несколько лет спустя, в 1972 году, в письме своему американскому переводчику Майклу Кэндлу, Лем впервые признался, что история Раппопорта, рассказанная Хогартом, - это его собственная история.

Лем и конец человека

Гаевская показывает, как Холокост повлиял на восприятие Лемом человеческого тела: в "Астронавтах" тело названо "тягучим, мягким веществом", а в "Сказках роботов" - это "липкое вещество на кальциевом каркасе". Мотив людей, отрицающих себе разные части тела, сегодня прочитывается в контексте биотехнологий и трансгуманизма, но в этом можно усмотреть и проявление травмы Холокоста с его тотальным уничтожением человеческого тела.

В рецензии 1962 года на роман Альбера Камю "Чума", которую цитирует в своей книге Гаевская, Лем пишет, что роман-притча французского автора не может потрясти людей, ставших свидетелями гораздо более жестоких событий, и вряд ли он говорил не о себе.

Если Гаевская верно восстановила ход мысли Лема, такие люди не в состоянии отождествить себя с похоронными процессиями над описанными в "Чуме" рвами, полными человеческих тел, просто потому, что в мире Камю на похороны ходят, чтобы скорбеть и оплакивать умерших. При этом Лем критически относится к своему подходу, признавая его "варварским". Он понимает, что художественное произведение не может бесконечно повторять фразу "мыло из человеческого жира". В то же время он подчеркивает, что художнику необходимо самому испытать то, что Лем называет чувством "полного сомнения в человеке". Этого опыта, пронизавшего нашу реальность и наэлектризовавшего воздух не только на "Кровавых землях", по мнению Лема, у Камю не было. Польский фантаст писал: "Существует избыточное знание о человеке, которое вынуждает художника замолчать, по крайней мере, в рамках известных поэтик и старых жанров".

С учетом вышесказанного Гаевская приходит к выводу, что эксперименты Лема с литературными жанрами и поэтиками, его трансформации привычных нарративных схем и гротескная форма, в которую он облек свои философские размышления, позволили ему вырваться из этого убийственного молчания перед лицом кризиса этики и конца человека.

Выводы исследовательницы представляются верными и очень важными. Они не только позволяют нам лучше понять творчество Лема, но и помещают польскую литературу в более широкий контекст мировой послевоенной литературы.

Culture.pl

Culture.pl - крупнейший портал о польской культуре. Здесь вы найдете новости о культурных событиях в Польше и за ее пределами, статьи, интервью, эссе и биографии известных писателей, художников, актеров и режиссеров. Портал Culture.pl был создан более десяти лет назад Институтом Адама Мицкевича, занимающимся популяризацией польской культуры в мире.

ОТ РЕДАКЦИИ "ЕВРЕЙСКОГО КАМЕРТОНА": Можно и следует добавить, что в корпусе сочинений Станислава Лема существует эссе "Провокация", напрямую соотносящееся с Холокостом. По жанру это обширная рецензия на вымышленную книгу вымышленного немецкого философа Асперникуса "Геноцид", посвященную Катастрофе европейского еврейства. Написана она в Кракове в марте 1979 - феврале 1980 годов. Перевел ее недавно ушедший от нас Рафаил Нудельман, бывший, кстати говоря, одним из первых переводчиков С.Лема на русский язык. Он же составил весь сборник "Окончательное решение", куда вошло и это эссе. Книга была выпущена в Тель-Авиве в 1990 году Фондом культуры и просвещения.

"РОБКИЕ СИМВОЛЫ ВЕРНОЙ И НЕЖНОЙ ЛЮБВИ"

Однажды в интервью с Иосифом Бродским ему был задан вопрос о том, стал ли бы он поэтом, если бы родился в Америке. "Я думаю, что да, - ответил Бродский, - и даже знаю, кем бы стал. Я стал бы Энтони Хектом или Ричардом Уилбером, или отчасти похожим на одного из них, и отчасти на другого. Или на обоих сразу".

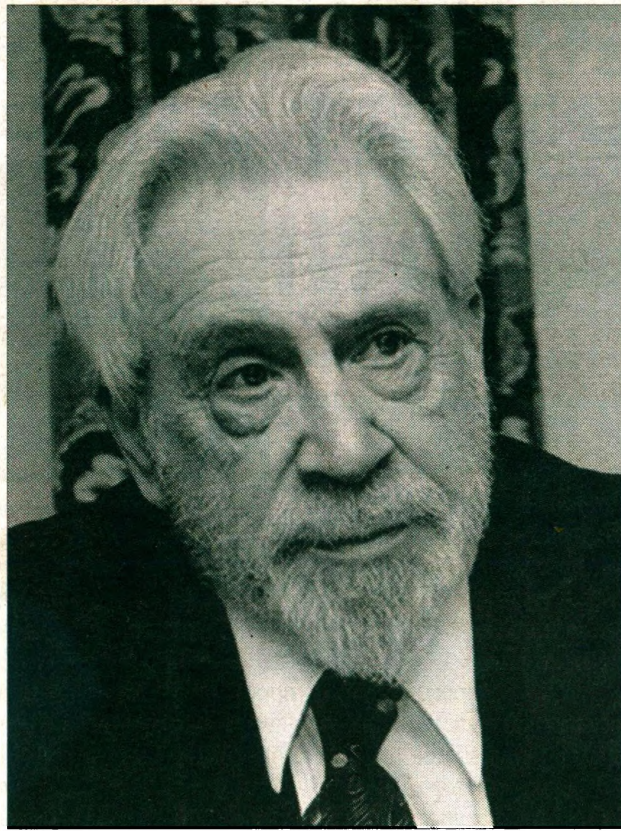
Энтони Хект, поэт, переводчик, эссеист. 19 января ему исполнилось бы 95 лет. Иные доживают до такого возраста...

На свет Энтони появился в Нью-Йорке, в еврейской семье выходцев из Германии. В школьные годы учился в одном классе с Джеком Керуаком, который впоследствии вошел в историю в качестве одного из важнейших представителей литературы "бит-поколения". Свое образование Хект продолжил в Бард-колледже, где в 1944 году получил степень бакалавра искусств. Сразу после этого выпускника, что называется, поставили под ружье, и он успел принять участие в боевых действиях американских войск - сначала в Европе, а затем - на японском фронте. После окончания Второй мировой войны Энтони поступил в Кенyon-колледж, где познакомился со многими известными уже тогда американскими поэтами, такими как Рэндалл Джаррелл, Элизабет Бишоп и Аллен Тейт. В 1950 году Хект получил степень магистра в Колумбийском университете.

В 1954 году увидел свет первый поэтический сборник Энтони Хекта "Созывая камни", благожелательно встреченный литературными критиками, а вторая книга автора "Трудные часы" была в 1968 году отмечена Пулитцеровской премией. Наряду с плодотворным творчеством, Хект с успехом занялся преподавательской деятельностью, работая на кафедре в Рочестерском университете и читая лекции по истории и теории поэзии в Гарварде, Джорджтауне и Йеле. Кроме поэтических сборников, он издавал литературоведческие труды, весьма преуспев и на этом поприще. С 1982 по 1984 год Энтони работал консультантом по поэзии при Библиотеке Конгресса США. В 1983 году его творчество было отмечено премией Боллингена, а в 1988 году - Премией Рут Лили.

О подходе Хекта к поэзии и к методике ее преподавания можно судить по сохранившемуся его комментарию к стихотворению "Rara Avis in Terris". В пояснении указывается, что произведение это Энтони написал на Новый год жене. И далее: "В нем также сказались ощущение, что свирепость внешней и внутренней политики, тяга к силовым решениям достигли, наконец, и спокойных коридоров академии, где я так долго был счастлив среди своих студентов и коллег. Но вдруг, как бы внезапно, литература, которую я любил и преподавал, свелась к изучению каких-то социальных язв, гендерных, сексуально-ориентационных, реакционно-расовых и других базисных проблем, вскрыть которые можно лишь с помощью специальных методов, не только имеющих косвенное отношение к литературе, но и откровенно ей враждебных. Философы, давным-давно объявившие о смерти Бога, провозгласили недавно и смерть автора, таким образом, оставшись полными и единовластными хозяевами факультетов литературы. Я счел за благо уйти на пенсию".

В поэтических текстах Хекта четко распознаются отзвуки образного языка былых эпох (Танах, греческие поэты, Данте, Шекспир, У.Б.Йитс, У.Стивенс) и мрачные тени более близкого нам времени, в особенности - чудовищной реальности нацизма. Одна из наиболее устойчивых черт его поэзии - способность доносить "визуальный" образ вещей, ту особую значительность явлений и психологических состояний, которую в них выявляет свет, представленный в различных его оттенках, градациях и символических значениях. По-своему интересны

раскрывающие широту творческого диапазона поэта его книги "Миллионы неизвестных теней", "Венецианские вечера", "Просвечивающий человек", "Тьма и Свет". Из жизни талантливый литератор ушел 20 октября 2004 года и был погребен на кладбище Бард-колледжа. Посмертно его наградили Национальной медалью искусств. Эта награда была вручена тогдашним президентом США Джорджем Бушем вдове поэта Хелен Хект.

Из поэтического наследия Энтони Хекта

Саул и Давид

Злодейский, мрачный дух, широкоскулый,
С когтями толстыми на пальцах и злорадный
Заполнил все своим дыханием смрадным
И овладел душой царя Саула.

Давно уже не знает он покоя,
С прищуром глаз, беззубый, страшный рот.
Сообщили радостно, что скоро он умрет
Никем не понятым и брошенным изгоем.

Врачи сдались, надежду всю рассеяв.
Забыл царь о надменности и чванстве.
Спасение искал он в своем царстве,
Где пас стада Давид, сын Иессея.

Избранник Бога, сильный был и видный,
Красивый, чтоб остаться незамеченным,
И Микеланджело, шпунтом увековеченный,
При всей суровости, остался миловидным.

А должен ли пастух лечить царя?
С небес, на это глядя, усмехались,
Когда Давида пальцы струн касались,
Пифагорейской музыкой маня.

Владел искусно он и ладом, и гармонией
Аранжировку сделал он для пения.
Так ласково шли с неба восхваления,
Что распрощался Саул с меланхолией.

Перевод Б.Зарубинского

Rara avis in terries

Елене

Ястребы в небе господствуют. Оглянись:
Тенью их крыльев зловещих исхлестана высь;
Вороны, кречеты, коршуны злые и прочий
Сброд, до потрохов оготело охочий...
Это какой-то джихад или крестовый поход.
Взмыли - и с карканьем, с клекотом в диком полете
Мчатся, оставив поляну в крови и в помете.
Это облезлые грифы с ракетой в когтях,
Рея над миром на жутких своих скоростях,
Кобчики старые с истерическим писком,
Миру грозят на языке кровопийском,
И, расфуфыря свой натесностероненный зад,
Нам демонстрируют стиснутый лапою атом,
И боевую окраску фруктовым салатом.
В академических рощах - картина все та ж:
Взор ледяной, острый коготь и варварский раж
Все изничтожить, что в мире известно и чтимо:
Разницы нет - слава греков, величие Рима,
Песни Кэмпииона, баллады, Толстой, Архимед...
Для культуролога, критика и стиховеда
Заповедь первая - деконструируй соседа.
Впрочем, и это не худшее; есть батальон
Фурий отъявленных, яростных дев и матрон,
Страшных мужчинам, с клювами остро-стальными;
Алчно глядят, нет ли в поле поживы под ними,
И, углядев, утоляют свой бешеный глад
Падалью "белых самцов европейских" - добычей
Наинужнейшей для их вакханалии птичьей.
Где же, ты скажешь, подружки-пичужки мои? -
Робкие символы верной и нежной любви,
Голуби-неразлучники и попугаи,
Стайки щеглов, лебедей белоснежные стаи,
Все, кого кормит с руки своей Бог-птицелов,
Все, что от века богине Венере желанны,
Чтимой у галлов под именем Птичьей Дианы.
Вот они, милая, в мраморном воздухе тут -
Видишь? - свой полог атласный и шелковый ткнут:
Птахи, вспорхнувшие с палубы зыбкой Ковчега,
Что наугад рыщет в волнах без дна и без берега;
Вот они, с веткой оливы над нами парят, -
Символизируя этой бессмертной листвою,
Нашу любовь, что уже четверть века со мною.

Перевод Г.Кружкова

Псалом 139:12

Как шёлк, струится свет
в оливах, между тем
дня бледное вино
стекает тихо в тень,
в растущее темно,
и сходит день на нет.
По краю дня горят,
как торф горит, огни
и плюшевую тьму
ещё живут они.
К заутрене кайму
рассветом изнуряет.
Не так ли и старик
превозмогает ночь -
молчь губ и тела хлад, -
когда рассвет точь-в-точь
и есть его закат,
растущий что ни миг.

Перевод В.Гандельсмана